

МОНИКА
МЕРФИ

18+

Первокурсник

От автора бестселлеров
New York Times

Дикие сердца

Моника Мерфи

Первокурсник

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мерфи М.

Первокурсник / М. Мерфи — «Издательство АСТ»,
2021 — (Дикie сердца)

ISBN 978-5-17-144600-0

Я решила пофлиртовать с одним парнем в сервисном центре. Высокий. Темноволосый. Загадочный. Вряд ли кто-то станет меня винить за то, что я решила с ним пообщаться. Как и я, он приехал в город, чтобы навестить своих родителей. Мы вместе ходим в один университет. Вот это совпадение! Как будто наша встреча была предначертана судьбой... По крайней мере, я так думаю, пока не начинаю везде наткаться на этого загадочного Тони Сорренто. Оказывается, он еще и играет в американский футбол. Не то чтобы я собиралась гоняться за горячим качком, но ладно, уговорили. А, чуть не забыла. Еще он всего лишь первокурсник. Наши отцы – бизнес-конкуренты и запрещают нам встречаться. Может, нам попробовать быть просто друзьями? Не так уж и сложно. Превратить общение в дружбу с привилегиями? Ну, не так страшно. Есть только одна проблема: я не думала, что у меня так быстро появятся к нему чувства. Стоит ли злить отца ради этого парня?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-144600-0

© Мерфи М., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Моника Мерфи Первокурсник

Monica Murphy
The Freshman

Copyright © 2021 by Monica Murphy
© Вишневецкая Н., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Плейлист

Hojean – Pick Up Your Phone Taylor Swift – Long story short Ula – Futon

Olivia O'Brien – Just Friends

Metro Boomin, 21 Savage – 10 Freaky Girls

Mac Miller, Ariana Grande – My Favorite Part

Metro Boomin, Swae Lee, Travis Scott – Dreamcatcher

Tyler, The Creator, Rex Orange County – Boredom

Глава 1

Тони

НА МЕНЯ ОБРАТИЛА ВНИМАНИЕ КРАСИВАЯ ДЕВУШКА.

Я притворяюсь, что не замечаю: не поднимаю глаз от экрана смартфона и отрешенно листаю ленту инстаграма¹. Скука смертная. Я застрял в зоне ожидания в дилерском центре Range Rover² в Сан-Франциско и с ужасом жду встречи с папой. Мне было двенадцать, когда родители развелись. Отец тогда собрался и уехал в Сан-Франциско, поближе к главному офису своей компании.

Скоро у него появилась новая пассия.

Пассия потом стала женой и почти два года назад родила ему близняшек, и папа окончательно про меня забыл. Но когда мне исполнилось восемнадцать, он решил взять меня под опеку и сделать своим протеже. Я сопротивлялся как мог, но это сложно. Он умеет уговаривать.

Мачеху и сводных сестер я еще ни разу не видел – все должно случиться сегодня.

Ну посмотрим.

Не жажду знакомства с новой семьей отца, но я в любом случае собирался сюда ехать – чинить машину. Папа об этом узнал. Наверное, ему позвонили из автосалона. В общем, я здесь.

Да, отец меня бросил, но с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, каждый год дарит по машине. Эта уже третья. Обхохочешься, правда? Гребаный богач, он балует меня дорогими подарками, дает деньги, будто это компенсирует то, что он на меня забил шесть лет назад.

Не важно.

Черт с ним. Подумаю лучше об этой девчонке.

Я стараюсь незаметно взглянуть на нее. Наши взгляды на секунду встречаются, и она опускает голову. На ее губах появляется легкая улыбка. Я тоже отвожу взгляд и смотрю в окно на ярко-голубое небо. Еще рано. На небе ни облачка. Утром я сполз с кровати, запрыгнул в машину и поехал сюда, всю дорогу проклиная пробки.

Никогда особо не хотел жить в Заливе³. Абсолютно уверен в этом. Я привык к нашему городку и свежему горному воздуху. Никаких пробок. Все друг друга знают...

Стоп. Вот это как раз не так уж круто. Все, кто тебя знает, постоянно суют нос в твои дела. Например, когда твои родители разводятся. Или ты неожиданно расстанешься с подружкой.

Вот это отстой.

Не могу сдержаться и снова перевожу взгляд на девушку. Она сидит в мягком кресле напротив меня. Прикусила нижнюю губу, нахмурила брови и сосредоточенно уставилась в телефон. Рядом с ней лежит сумка Chanel⁴. На ногах туфли Golden Goose. Они потертые и немного грязные – как и должна выглядеть обувь, – хоть и стоят пятьсот баксов.

И чего в них находят?

Но я понимаю, о чем говорят эти вещи. Мы редко видимся с мамой, но когда она приезжает – берет с собой сумку Chanel Jumbo и несколько пар Golden Goose. Она молодится и совершенно этого не скрывает. А еще она всегда носит украшения из Van Cleef. Мама –

¹ Здесь и далее: деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

² Range Rover – флагманский люксовый внедорожник, выпускаемый компанией Land Rover.

³ Залив, Область залива Сан-Франциско (*англ.* The Bay, San Francisco Bay Area) – крупный экономически развитый район в Калифорнии, сформировавшийся вокруг Залива Сан-Франциско. Помимо Сан-Франциско, в него входят другие крупные города (например, Сан-Хосе и Окленд), а также Кремниевая долина.

⁴ Chanel, Golden Goose, Van Cleef – марки одежды, обуви и украшений премиального класса.

самопровозглашенное лицо разных брендов, и в нашем городке выделяется как белая ворона. Только летом, когда приезжают туристы, она может смешаться с толпой. И то не всегда.

Я проверяю, что у девушки на запястье, и бинго – это браслет Van Cleef. А что еще там могло быть?

Она явно из богатой семьи. Маме бы наверняка понравилась.

Я внимательно изучаю ее. Длинные загорелые ноги. Черные, немного задравшиеся шорты, подчеркивающие гладкие бедра. Простая белая футболка, тоже наверняка купленная за сотни долларов. На шее несколько золотых цепочек – простые, с подвесками, и еще одна – с рассеянными звездами.

Эта девушка – чертовски модная.

Она поглядывает на телефон, время от времени что-то печатает, словно отправляет срочные сообщения. Я намеренно не смотрю на ее лицо. Я еще не готов. Что, если ошибаюсь и она не такая горячая, какой показалась мне? Хотя, собственно, чего я ожидаю? Она богачка из Пасифик Хайт или Ноб Хилл.⁵ Может, живет по соседству с моим отцом. Наверняка избалованная соплячка, которая превратит мою жизнь в ад только из-за того, что я попытался с ней заговорить.

Забудь об этом.

Я ерзаю на стуле, едва сдерживая вздох, и возвращаюсь к «Инстаграму».

– Проблемы с машиной?

Я вздрагиваю, услышав ее нежный голос. Она наблюдает за мной, широко распахнув голубые глаза. Ждет ответа. Да, я не ошибся.

Она по-настоящему горячая.

Даже не могу выделить какую-то черту. Она абсолютно прекрасна. Я смотрю на нее, не в силах отвести взгляд от ее губ. Понимаю, что нужно перестать тупо пялиться и что-нибудь ответить.

– Да нет, отзывная акция⁶. И еще хочу тонировать задние стекла, – сообщаю я, посмотрев на нее и склонив голову. Она также смело смотрит на меня, не прерывает контакт, не отводит взгляд, не хихикает. При этом не похоже, что она кокетничает или флиртует. И это мне особенно нравится. Я думал, она окажется фальшивой, из-за всей этой модной одежды и дорогих аксессуаров.

Девушкам нельзя доверять. Если отдашь им сердце, они его растопчут, а затем оставят тебя, будто ты никогда не имел для них значения. Как уже произошло со мной. Если быть точнее, происходит постоянно, и это касается не только отношений с девушками. Моя бывшая бросила меня из-за танцев, которые были для нее важнее. Я пытаюсь проявлять интерес к девушкам, но они меня отшивают.

А потом – моя семья. Папа бросил меня из-за новой пассии. А мама, когда я учился в старших классах, уезжала каждую неделю в поисках новых отношений. И лучшей жизни.

Лучшей, чем старая жизнь, где был и ее сын.

– А ты зачем здесь? – интересуюсь я, когда она никак не отвечает на мою реплику.

– Отзывная акция.

Она закидывает ногу на ногу. Я опускаю взгляд, и он задерживается на ее ногах. Они длинные и стройные и вызывают в воображении грязные мысли. Интересно, какого она роста.

– Папа хотел купить мне новый, но на этом я только полгода катаюсь. Я подумала, что это... как-то слишком.

⁵ Пасифик Хайт (*англ.* Pacific Height), Ноб Хилл (*англ.* Nob Hill) – богатейшие районы Сан-Франциско.

⁶ Отзывная акция, отзыв, отзывная компания (*англ.* Recall) – дополнительная проверка автомобиля, выполняемая в дилерском центре. Объявляется при обнаружении схожей неисправности у нескольких автомобилей одной марки и бесплатна для клиента.

– Звучит так, будто у нас один отец. – Мой тоже предлагал что-то подобное, когда я сообщил ему об отзыве. Я ответил, что это смешно – ведь эта машина у меня всего пару месяцев. Она вскинула брови:

– Очень надеюсь, что это не так.

Уф. Она что, флиртует? Я ни с кем не встречался с выпускного класса, так что, кажется, потерял хватку. Ладно, не то чтобы совсем никого не было. Я зависал с парочкой итальянских красоток, когда летом ездил в Европу – составлял маме компанию в поездке к родственникам в Италию. Мой двоюродный брат Серджио каждую ночь приглашал меня куда-нибудь, и мы напивались до бесчувствия. Я целовался с одной шикарной итальянкой. Даже с несколькими. Давал волю рукам. Изредка мне даже минет перепал.

Да, в Европе я хорошо провел время. Что было лучшим в этом? Никаких ожиданий, никаких обязательств. Я никогда больше не видел тех девушек.

– Насколько знаю, тайных братьев и сестер у меня нет, – продолжает она, – хотя не исключаю, что мой папуля на это способен.

Она улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я. Черт с ним, будь что будет. Если уж я могу флиртовать с девушкой в представительстве Range Rover, чтобы скоротать время, почему бы не пойти до конца.

– Хайден. – Она убирает прядь светлых волос за ухо. Всегда испытывал слабость к блондинкам. – А тебя?

– Тони. – Я улыбаюсь. Она улыбается в ответ.

– Ну, Тони, ты учишься в колледже?

Я киваю и ерзаю на стуле. Ну все, теперь она точно потеряет ко мне интерес. Она, возможно, учится в Стэнфорде. Или Беркли⁷. Наверняка чертовски умна и добивается любой цели, которую ставит перед собой.

– Ага. А ты?

У нее вырывается легкий смешок. Чарующий и звенящий.

– И я. А в каком?

Нужно быть честным. В конце концов, все происходит в автосалоне в чужом городе. Терять нечего.

– Калифорнийский государственный, во Фресно⁸.

Она раскрыла рот от удивления:

– Да ладно! – Она выпрямляется и прижимает руку к груди. – Я тоже!

– Не может быть. – Я ухмыляюсь, покачивая головой. Она издевается.

– Это правда! У них классное отделение свободных искусств⁹. Я хочу стать учителем. К неудовольствию папы.

Она снова смеется, на этот раз чуть громче, но я замечаю боль в ее глазах. Ее явно расстраивает, что отец разочарован в ее выборе карьеры. Я действительно это чувствую.

– А ты почему выбрал Калифорнийский?

– Вырос рядом, – я пожимаю плечами, – многие мои друзья его закончили, и я тоже решил.

⁷ Стэнфорд – Стэнфордский университет (*англ.* Stanford University), Беркли – Калифорнийский университет в Беркли (*англ.* University of California, Berkley) – авторитетные университеты в Калифорнии, входящие в списки лучших учебных заведений США и мира.

⁸ Калифорнийский государственный университет (California State University, Fresno (Fresno State) – университет в Калифорнии.

⁹ Свободные искусства и науки (*англ.* Liberal Arts and Science) – популярная в американских и европейских вузах программа обучения. Представляет общегуманитарный блок предметов, изучающихся на первом курсе, что дает студентам время и возможность определиться с дальнейшей специальностью.

Не лучший ответ, но зато честно.

Я всегда хотел получить хорошее образование, но никогда не хотел уезжать далеко от дома, к тому же понятия не имел, на кого учиться. А в старших классах у меня появилось несколько друзей и было сложно с ними расстаться. Знаю, это нелепый способ принятия решений, ну и хрен с ним. Я люблю чувствовать себя в зоне комфорта, и сейчас для меня она связана с друзьями.

Семья может тебя кинуть, девушки тоже. А друзья никогда. Братья останутся с тобой несмотря ни на что. К счастью, некоторые из моих друзей тоже пошли в Калифорнийский государственный. И новые друзья у меня тоже появились.

– Что изучаешь? – спрашивает Хайден, выдернув меня из раздумий.

– Бизнес, – отвечаю я. Эта специальность показалась мне самой нейтральной, и, стоит отметить, отец был в восторге, когда узнал. Не то чтобы я этого жаждал, но уверен, что в итоге буду работать с ним, заключать бесчеловечные сделки и скупать недвижимость по всему Заливу.

Поэтому до окончания колледжа нужно успеть оторваться по полной. Через четыре года все это из моей жизни исчезнет. Студентом бываешь лишь однажды. И нужно извлечь максимум пользы.

– И кем хочешь быть, когда вырастешь? – Ее глаза искрятся, когда она задает вопрос, и меня восхищает ее прямолинейность. Она кажется такой уверенной. Не похожа на «несчастную богатенькую девочку».

– Пока не уверен, – отвечаю я, пожав плечами и ссутулившись. Пытаюсь изобразить невозмутимость. Как будто нет ничего удивительного в том, что я разговариваю с самой красивой девушкой, которую встречал за черт знает сколько времени.

– Значит, ты отсюда? О, подожди, ты же сказал, что вырос во Фресно. – Она хмурится. – Там же есть небольшое представительство Range Rover. Зачем было ехать сюда?

– Их отдел обслуживания забит на несколько недель вперед, а я не мог больше ждать. Так хотел тонированные стекла.

Range Rover был запоздалым подарком от папы на выпускной. Он презентовал его перед моим поступлением в колледж. Этот роскошный дорожный автомобиль большую часть времени стоял на парковке под палящим солнцем, и я решил, что нужно тонировать все стекла, чтобы прохлада внутри сохранялась.

– А, тогда понятно. И пока здесь, решил и с отзывом разобраться, да?

Я киваю. Она улыбается.

– Ну и к папе заехать. Он хотел провести время с семьей, как он это называет. Хотя его подружка всего на семь лет старше меня.

Она закатывает глаза, а я не могу удержаться от смеха.

– Моей мачехе тридцать, – добавляю я, смеясь.

– Не понимаю, почему они так жаждут заполучить новую модель. – рассуждает она. – Хотя мама в конце концов сделала то же самое.

– А моя клянется, что никогда больше не выйдет замуж. Говорит, из-за отца она больше не верит в любовь.

Мне не нравится сочувствие в ее взгляде. Наверное, не стоило так откровенничать.

– Любовь для слабаков, – уверенно заявляет она. Пожилая женщина рядом с ней бросает на нее злобный взгляд, а улыбка, заигравшая в уголках губ девушки, заставляет меня улыбнуться ей в ответ. Кажется, ей доставляет удовольствие шокировать.

– Это правда, сам знаешь.

– Ага, точно.

Софи, моя бывшая, растоптала мое сердце, бросив его истекать кровью, а потом оставила нашу школу и поступила в школу искусств в горах неподалеку от Сан-Диего. Последнее, что

я слышал о ней, были новости о ее участии в танцевальной программе Университета Южной Калифорнии, где учится мой лучший друг Джейк. Не так давно он столкнулся там с ней и сразу же позвонил мне.

Я чувствовал себя отстойно, но пришлось притвориться, что его встреча с Софи меня не интересует. Фигово осознавать, что люди тебя в конце концов всегда бросят. Можно сказать, что и Джейк меня кинул, хотя он поступил туда, чтобы играть в футбол за местную команду, и я его не виню. К концу школы мы были почти как братья, а потом он уехал. Я извлек из этого урок, который никогда не забуду.

Все рано или поздно уйдут из твоей жизни.

– Значит, проводишь здесь субботу? – интересуется она.

Сейчас свободная неделя, так что сегодня вечером никаких футбольных матчей. Но не то чтобы я получил возможность выйти на поле, если бы сегодня играли. Мне это редко удается.

– Ага. Пока все идет не так уж плохо.

Она улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

– А потом чем займешься?

Моя улыбка гаснет:

– Сегодня семейная вечеринка. Отец хочет, чтобы я туда пришел.

Меньше всего я хочу там быть. Особенно сейчас, когда передо мной открывается более интересная перспектива.

Она тоже перестает улыбаться и хмурится.

– А, ну у меня вообще-то тоже дела.

Эта горячая девушка собиралась меня куда-то позвать. Я чувствую. Это придает мне уверенности, и я спрашиваю:

– Может, обменяемся телефонами? Сходим куда-нибудь во Фресно.

Поверить не могу, что я ни разу не видел ее в кампусе. Хотя чему удивляться – кампус огромный. Мы могли бы встретиться на потоковых лекциях, но ее программа наверняка сильно отличается от моей.

– Звучит здорово, – она берет в руки телефон и готовится печатать, – диктуй.

Я диктую номер, она добавляет его к себе, и мой телефон тут же вибрирует от ее сообщения: «Привет!»

– Напишу в начале следующей недели.

– Я запомнил!

– О, даже не сомневайся.

Ее глаза сияют. Так бы и смотрел на нее весь день.

Мы болтаем еще пару минут, но нас прерывает консультант, сообщая, что ее машина готова.

Она поднимается, перекидывает сумку Chanel через плечо и подходит ко мне. Консультант ждет ее с явным нетерпением.

– Было приятно познакомиться, Тони.

Она слегка касается моего плеча.

Все тело передергивает и отдается в паху.

– С тобой тоже, Хайден, – говорю я. Мой голос даже не дрожит. Похоже, я и выгляжу вполне уверенно.

Внутри я чувствую все что угодно, но только не уверенность. Эта девушка шикарная. Интересная. Уверенная в себе. Впервые за долгое время я заинтригован.

Я хочу продолжения.

Глава 2

Хайден

– ТАКОГО КЛАССНОГО ПАРНЯ СЕГОДНЯ ВСТРЕТИЛА, – рассказываю я своей шестнадцатилетней сестре Палмер.

Да, мы из богатой семьи, и наши снобы-родители дали нам мужские имена. Прозвучит как клише, но родителей не выбирают. И имя тоже. Так что мы не виноваты, когда, видя наши имена в каких-нибудь списках, нас принимают за парней.

Мам, пап, большое спасибо.

– Правда? – Палмер сидит на кровати, прижав колени к груди. Она упирается подбородком в колени и красит ногти на ногах в кислотно-зеленый. – Симпатичный?

– Высокий. – Хотя я видела его только сидящим, но могла предположить. – Темноволосый. Темные карие глаза. Пухлые губы.

Такие губы хочется поцеловать.

– А зовут как? – спрашивает сестра, не поднимая на меня взгляд.

– Тони.

Он не просто симпатичный. Он офигительно красив. Шикарен. Эти глаза. Волосы. Скулы. Челюсть. Губы.

О боже, какие же у него губы.

Я была готова пригласить его куда-нибудь, но он сказал, что у него есть планы. А я вспомнила, что и у меня вечер занят. И мое настроение сразу испортилось.

– А фамилию знаешь?

– Не-а. Не спрашивала.

– А где вы познакомились? Ой, блин... – ворчит она себе под нос, вставив кисточку в пузырек с лаком и потеряв покрывало, – лаком капнула.

– Лори тебя убьет.

Лори – папина подруга. Она переехала сюда пару месяцев назад и сразу же начала опекать Палмер, накупила ей всякой ерунды, чтобы расположить к себе. Отчасти это сработало – Палмер с радостью позволила Лори переделать свою комнату, хотя она все еще не в восторге от самой Лори. Мы ей пока не доверяем.

В отличие от папы, но он ослеплен любовью, страстью или еще чем.

– Знаю. – Она почти плачет, спрыгивает с кровати и бежит в ванную. Я падаю в белое меховое кресло, чтобы посмотреть аккаунты Тони в соцсетях, найти его фотки и полюбоваться на его лицо.

Палмер копается в ванной и возвращается в спальню с бутылочкой жидкости для снятия лака. Я наблюдаю за ее попытками стереть ярко-зеленое пятно. И зачем было красить ногти на чистейшем белом покрывале? Но когда тебе шестнадцать и тебе всю жизнь вещи достаются просто так, об этом не задумываешься.

Я тоже не задумывалась, пока не поступила в колледж и не начала жить одна. Папа все еще обеспечивает меня, но мне пришлось научиться самой распоряжаться деньгами. Сначала было тяжело. Постоянно хотелось их тратить, потому что я к этому привыкла.

Теперь я справляюсь лучше. Я все еще избалованная богачка, отрицать не буду. Люди иногда ненавидят меня только по этой причине, и я ничего не могу сделать, чтобы переубедить их. Но эта избалованная богачка хочет когда-нибудь стать учительницей и сделать мир лучше. Даже если родной отец смеется над ней и говорит, что она зря теряет время.

Конечно, я люблю папу, но иногда он невыносим.

– Не оттирается! – возмущается Палмер, и я ловлю ее паникующий взгляд. – Может, еще ацетон добавить? Может, весь на пятно вылить?

– Не представляю.

Мы с сестрой очень похожи внешне. У меня волосы светлее – спасибо Рафаэлю, моему стилисту, а еще сестра повыше. Палмер отлично играет в волейбол и надеется получить стипендию для поступления в университет. Деньги у нее есть, но ей хочется прославиться на чемпионате и заслужить стипендию¹⁰.

Я ее могу понять. Она полностью вкладывается в то, что делает. А я вот хочу изменить мир, обучая первоклашек.

Я стала самым большим разочарованием отца. Да и Палмер тоже – когда мы родились, у нас между ног ничего не болталось. Но это уже другая история. Наверное, с Лори у них еще будут дети – когда я вчера пришла домой, они обсуждали ремонт, и она упомянула детскую.

Папе пятьдесят два. Не знаю, как он относится к идее снова стать отцом, но если у них родится мальчик, он вряд ли начнет жаловаться.

– Погугли, – предлагаю я сестре. Она до сих пор пытается оттереть лак. По-моему, лучше не становится. Она делает только хуже – втирает его в ткань.

Она срывает плед с кровати, скомкав и прижав к груди:

– Надо постирать.

– Мне кажется, его нельзя стирать. Только сухая чистка.

– Нужно избавиться от этого пятна как можно скорее!

Она выбегает из спальни, я выхожу за ней, но останавливаюсь в коридоре, пока она спускается на первый этаж. Она топает как стадо слонов.

Останавливать ее или предлагать другой вариант бесполезно – все равно она сделает по-своему. Я такая же. И папа такой. Прекрасная черта, которую мы унаследовали у него.

Я иду в свою спальню и падаю на кровать. Как хорошо, что у меня есть пушистый плед, который папа подарил мне на шестнадцатилетие. После развода мы не стали жить с мамой. Она вернулась в родной Нью-Йорк, и мы с Палмер упирались до последнего, когда она уговаривала нас переехать. Нам не хотелось оставлять школу, друзей. Родители боролись за нас. Папа нанял серьезного адвоката, и у мамы не было ни единого шанса. Раньше мы часто навещали ее, но после того, как я окончила школу, перестали. Палмер отказывалась ехать без меня. Нам приходят открытки на Рождество и дни рождения, и на этом все. Она слишком занята – разъезжает по миру со своими любовниками и тратит папины деньги.

Вот почему я сказала Тони, что любовь для слабаков. Поверить не могу, что я такое заявила парню, которого едва знаю. И мне немного совестно, что я обидела ту женщину из зоны ожидания, но мне стало легче. Наконец-то я вслух призналась, что для меня любовь. Я правда так чувствую.

Любовь – это отстой.

Моя лучшая подруга Грейси говорит, что именно поэтому у меня не было длительных отношений. Мы уже два года учимся вместе. На первом курсе нас поселили в одну комнату в общежитии, и мы сразу же понравились друг другу. Если продолжить говорить о везении: мы обе изучаем свободные искусства, и у нас часто совпадают пары¹¹. Мы все шутим, как бы было ужасно, если бы мы не поладили.

Грейси права, знаю. Я предпочитаю не вступать в серьезные отношения, потому что уверена, что ничего из этого не выйдет. Посмотрите на моих родителей. Последние три года сов-

¹⁰ Спорт является важной частью американской системы образования. Участь в школе и достигнув больших успехов в спорте, ученик может получить спортивную стипендию. Вузы заинтересованы в предоставлении такой стипендии, поскольку в будущем этот абитуриент будет активно участвовать в жизни своего учебного заведения.

¹¹ В американских вузах гибкая система образования. Студент может получить несколько специальностей сразу и выбирает нужные ему предметы. Поэтому группы часто нефиксированные.

местной жизни они друг друга презирали. Ссорясь, они переставали контролировать себя – мама трижды вызывала полицию. Папе потом пришлось искать нам с Палмер психологов. Было ужасно.

Жизнь – хаос. Любовь – еще больший. А я люблю чистоту и порядок. И когда все красиво. Может, поэтому мне так понравился Тони – он красавчик, ничего не скажешь.

При этом в нем нет женственности, он олицетворение мужской красоты. Растрепанные темные волосы, спадающие на темные загадочные глаза. Точеные губы. Кажется, у него небольшая ямочка на подбородке.

Уверена, девушки целуют ее.

Мне не сидится на месте, и я решаю спуститься и спросить у папы о планах на вечер.

– Сегодня ужин в загородном клубе¹², Хайд, – сообщает папа. Он сидит у себя в кабинете перед огромным iMac и попивает, похоже, виски со льдом. – Сегодня я хочу похвастаться своими девочками.

Я делаю гримасу за его спиной, но он каким-то образом замечает.

– Только не приходи с таким лицом. Будет смешно.

Я замечаю окно, в котором прекрасно видно мое отражение. Я закатываю глаза, а папа улыбается. Он тоже смотрит в окно.

– Мне двадцать лет, – напоминаю я. – Не обязательно показывать меня своим друзьям.

– Со мной всегда ходят Лори и Палмер. Ты живешь далеко, и как раз тобой я хочу похвастаться больше всего. – Он улыбается и встряхивает лед в стакане, прежде чем сделать глоток. Его взгляд встречается с моим в отражении окна. – Несмотря на то, что ты хочешь стать учительницей.

Я подхожу к нему и потягиваю за волосы, чтобы он вскрикнул.

– Учитель – благородная профессия.

– И неблагодарная. Весь день на тебя вешаются сопляки, а их родители жалуются, что ты не понимаешь их милого Джонни, который задирает других детей. – Папа качает головой, ставит стакан и поворачивается на стуле лицом ко мне: – И это за пятьдесят тысяч долларов в год. И то если повезет. Как ты собираешься жить на такую зарплату?

– Ну, я точно перееду отсюда. – Жилье в Сан-Франциско и в Заливе неприлично дорогое. – А еще у меня есть ты, – самоуверенно заявляю я.

На самом деле мне этого не хочется. Я хочу выживать сама, без папиных денег. Хочу быть независимой, в отличие от мамы, которая много лет с ним в разводе, но все еще живет за его счет.

Я отказываюсь так жить. До того, как выйду замуж (если это вообще когда-нибудь случится, потому что мои взгляды на любовь далеки от романтических идеалов), я хочу сделать все, чтобы стать независимой и самой о себе заботиться.

Мужчина мне не нужен. Не сейчас.

И вообще никогда.

– Похоже, нужно перестать платить за тебя в двадцать один, – шутит он, но по тени в его взгляде я понимаю, что в этом есть доля правды.

– Я пошутила. – Я скрещиваю руки, чувствуя себя так более защищенной. Не стоило говорить, что рассчитываю на его помощь. – Сама справлюсь.

Он смеется и качает головой:

¹² Загородный клуб (иногда кантри клуб, от *англ.* Country Club) – частные эксклюзивные организации для элиты с членской квотой. Попасть в загородный клуб можно чаще всего по приглашению или внеся солидный членский взнос. Расположены на окраинах города, часто предлагают развлекательные услуги, например игру в гольф, бассейн.

– Конечно, справишься. Встретишь вечером в клубе какого-нибудь красавчика и потом выйдешь за него замуж. Благодаря своему папаше он окажется чертовски богат, и вы оба будете обеспечены до конца жизни. Думаю, так и случится.

От гнева у меня кровь начинает закипать, я опускаю руки, сжимаю ладони в кулаки.

– Этого не будет. Я не хочу выходить замуж за богатенького сексиста. Да я вообще не планирую выходить замуж.

– Ага. – У отца такое самодовольное выражение лица, что я хочу его ударить. – Подожди немного. Я-то знаю, как это все происходит.

– Что это значит? – Я начинаю чувствовать обиду.

– Посмотри на себя, Хайден. У многих моих знакомых сыновья твоего возраста. Они один раз увидят тебя, а потом засыпят меня просьбами, как бы познакомиться с тобой их младшенького.

– Отвратительно. – Я морщусь. – Я же не животное, за которое можно торговаться.

– Ты бы удивилась, если бы знала, сколько деловых сделок заключаются через брак и по сей день. – Он приподнимает бровь. – Я уже присмотрел кое-кого для Палмер.

Иу! Звучит кошмарно.

– А Палмер знает об этом?

– Она в курсе.

И все. Она в курсе.

В курсе, что отец собирается свести ее с кем-то, за кого, по его расчетам, она в конце концов выйдет замуж?

Интересно, он уже заплатил отцу этого парня? Это чертовски отвратительно.

– Я не поеду, – заявляю я. – Я выезжаю во Фресно сегодня же.

Я поворачиваюсь на пятках, собираясь уйти из его душного кабинета, а он произносит:

– На твоём месте я бы этого не делал. Я говорил серьезно о том, чтобы лишить тебя содержания.

Такого жесткого тона я давно у него не слышала. С тех пор, как в шестнадцать улизнула из дома на вечеринку к какому-то парню и напилась там. О, папа ужасно разозлился. Я несколько недель была наказана.

Но это того стоило. Той ночью я целовалась с восемнадцатилетним Чадом Сэдвеллом из бейсбольной команды.

Я оглядываюсь через плечо. Меня бесит папино ничего не выражающее лицо. Такое невинное, будто в его словах не было никакой угрозы. Уверена, мои эмоции написаны у меня на лице, потому что он смягчается. Теперь он говорит почти ласково:

– Ну ладно тебе, Хайд. Сделай это для своего папочки. Я же не прошу тебя принимать предложение о помолвке сегодня же вечером. Просто оцени этих парней и скажи, есть ли у них надежда.

– Но я же даже живу не здесь.

– Неважно. Мы живем в современном мире, в конце концов. Можно устраивать свидания в зуме, – предлагает он, засмеявшись, – и можно приезжать домой на выходные. Да и не все сыновья бизнесменов живут здесь. Они разбросаны по всей стране, учатся, работают.

– Только никаких старых пердунов, – предупреждаю я.

Он смеется:

– Естественно! Я бы не стал сводить тебя с кем-то старше тридцати.

– О! Значит, кто-то примерно возраста Лори. – Наверное, так не стоило говорить, ну да ладно. Это же правда.

– Ага, точно. – Он расслабляется, и я начинаю улыбаться. Он иногда так делает. Эмоциональный шантаж. Торгуется, чтобы получить то, что хочет.

Это расстраивает.

– Мне нечего надеть, – говорю я. Это правда. Я давно уже не была в клубе. Я вообще избегаю его, как могу.

– Прогуляйся по магазинам. И Палмер с собой возьми, – предлагает он, проверяя время на часах Rolex. – Время еще есть. Мы не выедем раньше половины седьмого. Но самое позднее – в семь.

От похода по магазинам я точно не откажусь. Тут он знает меня слишком хорошо.

– Ты не возражаешь?

Он поднимается из кресла, встает передо мной, протягивает руки, чтобы нежно сжать мои плечи и заглянуть в глаза. Злого, холодного отца, с которым я говорила пару минут назад, заменяет искренний и добродушный.

– Ну конечно, не возражаю. Покупай все, что хочешь. Платье. Туфли. Новую косметику. Украшения. Что твоей душе угодно.

Мои мысли путаются. Передо мной выбор. С одной стороны, я хочу изменить мир, стать учителем, работать с шестилетками. Но правда в том, что иногда я бываю меркантильной стервой, которая обожает покупать Chanel и Gucci.

Ничего не могу с собой поделать.

– Ну, пойду предложу Палмер.

Он притягивает меня к себе и обнимает. Я поднимаюсь на цыпочки и чмокаю его в щеку.

– Спасибо, папочка.

– Не за что, тыковка.

Он улыбается и явно доволен. Он добился своего.

Как и я.

Глава 3

Тони

МЫ В КАКОМ-ТО МОДНОМ ЗАГОРОДНОМ КЛУБЕ.

Я здесь не в своей тарелке, но папа и его жена Хелена решили, что это лучшее место, чтобы провести субботний вечер. Каким-то образом они угадали с моими размерами и подготовили все к моему приезду. И теперь я вхожу в клуб, одетый в черные брюки, белую рубашку и черный пиджак, а еще меня душит черный галстук.

– Gucci, – сообщила Хелена, когда я вошел в гостиную перед выездом в клуб. Она задержала на мне оценивающий взгляд, от которого мне стало неловко. – Сама выбирала!

У меня чувство, что новая мачеха меня проверяет.

Я жду, пока папа договорит с каким-то знакомым. Слышу фальшивый смех, смотрю на дружественные похлопывания по спине. Хелена стоит рядом с отцом. На ней бледно-розовое платье с блестками, которое сначала показалось мне слишком нарядным, но на этом вечере оно вполне уместно. Она красива, надо отдать ей должное.

Но определенно не в моем вкусе.

Я быстро понял, что это светское мероприятие проводится только для того, чтобы помериться кошельками. Сплошной выпендрей. Женщины усыпаны бриллиантами и различными драгоценностями. Глядя на их идеальные лица, я представляю, как они выглядят без профессионального макияжа. Сложно дышать из-за разлитых в воздухе ароматов дорогих духов и одеколona. Все одеты идеально и, как ни странно, выглядят одинаково.

Это как-то скучно.

Мы проходим через зал, отец представляет меня своим знакомым. Я сразу же забываю их имена: их слишком много, чтобы запомнить. Я улыбаюсь, киваю, пожимаю им руки и повторяю со всей искренностью, на которую способен:

– Рад познакомиться с вами, сэр.

Послушный сын нерадивого отца.

Многие спрашивают, пойду ли я по стопам папы, буду ли работать на него. Он всем с гордостью рассказывает, что я учусь на факультете бизнеса. Их этот ответ устраивает. Но он никогда не упоминает, где именно я учусь.

Это как скелет в шкафу. Я поступил в обычный государственный университет, который не являлся престижным – по крайней мере, в его глазах. И хотя я играю в футбольной команде первого дивизиона, об этом он тоже умалчивает. Наверное, это породит множество неудобных вопросов.

Например, приходит ли он на мои матчи.

Я молча киваю и улыбаюсь. Как же скучно. У меня уже челюсть болит столько улыбаться, да и в животе начинает урчать. Мне наконец удастся вырваться, и я заказываю в баре стакан пива. Бармен протягивает его мне без задержки.

Оставляю ему десять долларов на чай.

Поужинать так просто не получится – сначала нужно поучаствовать во всех светских беседах. Я не знаю тут никого, так что ищу темный угол и прислоняюсь к стене. Проверяю телефон, попиваю пиво. Оно как-то быстро заканчивается.

Да, понадобится много стаканов, чтобы пережить вечер.

– Вот, держи.

Передо мной стоит Хелена с бутылкой пива в руке и улыбается. Она, видимо, следила за мной, раз знает, какое пиво я пью. Неприятно, но я игнорирую возникшую тревогу и беру пиво, стараясь не дотронуться до ее пальцев.

– Спасибо.

Она улыбается и придвигается ближе. Меня окружает ее аромат. Не отрицаю, что, когда впервые ее увидел, она показалось мне симпатичной. К тому же ей едва за тридцать, так что она ближе по возрасту ко мне, чем к отцу.

– Развлекаешься? – Она приподнимает брови, подносит к губам бокал охлажденного вина и осторожно делает глоток, стараясь не смазать помаду.

Я пожимаю плечами, беспокойно оглядываясь. С удовольствием бы избежал этого разговора. Я же едва ее знаю.

– Да не особо.

Ее губы насмешливо искривляются:

– Ух ты. А чего так?

– Я тут никого не знаю.

Она просияла:

– Меня-то ты знаешь.

– Ну да. А тебя разве не ждут подруги?

Я не настроен болтать с этой женщиной. Чувствую себя неловко, и мне не нужны неприятности.

– Каждая женщина в этом зале – расчетливая стерва. Включая меня. – Она придвигается еще ближе, юбка ее платья касается моих ног. Я в ловушке, прижат к стене. Не могу двинуться – она это явно замечает. – К тому же я бы с удовольствием узнала тебя получше. Поверить не могу, что мы раньше никогда не виделись.

– Так бывает, когда твой муж бросает старшего ребенка, – объясняю я, делая глоток пива.

Она хмурится:

– Он не бросал тебя. Твоя мать не давала ему с тобой видеться.

– Ага, продолжай в это верить.

Мы смотрим друг другу в глаза. Она молчит. Я тоже.

Похоже, Хелена использует молчание в качестве оружия. Как и я.

Сделав пару глотков вина, она постепенно расслабляется.

– Ты в курсе, что ты копия отца?

– Да. Наверное.

Она придвигается, и мы касаемся плечами. Свет множества ламп, отражающийся от блестков на ее платье, слепит меня. Она похожа на ходячий розовый диско-шар.

– А ты неразговорчив, а?

Я медленно качаю головой. Я почти все время молчу, чтобы не наговорить глупостей, о которых потом мне будут постоянно напоминать. Уверен, что у этой женщины деловая хватка, и она когда-нибудь использует мои слова против меня в корыстных целях.

Да пошло оно все. Лучше молчать и притворяться, что не замечаю ее.

Наши взгляды встречаются, в уголках ее губ появляется улыбка.

– Ты мне нравишься. Может, мы как-нибудь...

– Хелена! Вот ты где! – К нам подбегает платиновая блондинка в облаке голубых оборок и берет Хелену за руку. Потом замечает меня. Ее идеально дугообразные брови приподнимаются чуть ли не до затылка. – Так-так. Кто это у нас тут? Уже меняешь Энтони на более молодую модель?

Я напрягаюсь. Эта женщина говорит обо мне как о куске мяса.

Хелена неловко смеется:

– Ну конечно нет, Лори. Это мой пасынок, Тони.

– Пасынок? Сын Энтони? Господи боже! – Лори кладет руку на грудь и хлопает ресницами. – Прости, вот это я облажалась.

– Все в порядке. Приятно познакомиться. – Я поднимаю бутылку, как будто произношу тост, и делаю глоток.

– Нам, наверное, не стоит видеться. – Хелена предостерегает Лори. Я хмурюсь. О чем это они?

– Ты права. Это так глупо. Их соперничество уже перешло все границы.

Женщины посылают друг другу воздушный поцелуй, и Лори снова оборачивается ко мне:

– Рада знакомству, Тони. – И снова Хелене: – Позвони мне на следующей неделе, дорогая.

Сходим пообедать, – и исчезает так же быстро, как и появилась.

– Что происходит? – спрашиваю я Хелену, когда Лори уходит.

– О, твой папа, как обычно, наживает себе врагов. Жених Лори – один из них, – она игриво улыбается, – но мы с ней, к счастью, остались подругами, несмотря на их вражду.

Хм. Я знаю, что отец в прошлом был замешан в грязных делишках. Когда я был помладше, все считали, что мы мафия, только из-за того, что мы итальянцы. Я всегда думал, что это чушь собачья. Но когда вырос и начал понимать, как устроен мир, у меня закрались подозрения, что мой старик проворачивал не совсем законные махинации. Он занимается недвижимостью – скупает крупные предприятия по дешевке и разбивает их на части, продавая их по отдельности гораздо дороже их первоначальной стоимости.

Людей он кидает. Сбивает цену на покупку и завышает на продажу. Он подлый. Недавно я погуглил и нашел кучу информации о нем. И это не пытаюсь углубиться в поиск. Стоит ли мне вообще задумываться о работе с отцом?

Не знаю.

Хелена все болтает про подружек из клуба и как мой отец испортил им жизнь, насолив их мужьям. Я слушаю ее краем уха и разглядываю толпу. Я, наверное, плохой человек, если меня не волнуют ее проблемы. Они кажутся пустяковыми, если посмотреть на ее жизнь: ей не надо ни о чем беспокоиться, отец ее обеспечивает, и она на какое-то время привязала его к себе, родив детей. Уверен, она очень жалеет, что не мальчиков.

В комнату заходит белокурая девушка в белом, ее тут же кто-то заключает в объятия. Я не вижу ее лица, но слышу ее звонкий смех. Я приглядываюсь. Она двигается очень знакомо. Мое тело покрывается мурашками. Я отклоняюсь вправо, чтобы разглядеть ее лицо. Девушка отстраняется от обнимающей ее женщины, и я окончательно убеждаюсь в своих догадках.

Хайден из дилерского центра Range Rover.

Ни фиги себе. Вечер становится интереснее.

– Попозже поболтаем, – прощаюсь я с Хеленой, отхожу от нее и делаю вид, что не замечаю, как она зовет меня.

Я пробираюсь сквозь толпу, не обращая внимания на улыбки и кивки этих фальшивых манекенов, ведущих себя так, будто они сто лет меня знают, хотя мы совершенно не знакомы. Теперь я стою прямо за ней, вдыхаю ее чудесный аромат. Я очарован элегантным наклоном ее шеи и как ее волосы падают на плечо во время оживленного разговора с какой-то женщиной. Наконец я выхожу из транса и произношу:

– Хайден.

Она оглядывается через плечо и удивленно смотрит на меня:

– Тони из дилерского центра? Это ты?

Не могу удержаться от улыбки. Ее голос мягкий и звонкий. Звучащий так сладко. Глаза раскрыты от удивления, и она улыбается, будто наша встреча – лучшее, что с ней случилось за долгое время.

Я широко улыбаюсь в ответ:

– Ага, это я, – я протягиваю руки, – во плоти.

– И эта плоть просто прекрасна, – бормочет она.

Я отступаю назад, удивленный ее словами. Она остается на месте и не сводит с меня взгляда, забыв о женщине, с которой болтала пять секунд назад. Мы смотрим друг на друга – идеальная возможность изучить ее получше.

Такие платья, как сейчас на ней, нужно запретить – оно одновременно откровенное и закрытое. Короткое – демонстрирует ее потрясающие ноги. Юбка с оборками подчеркивает стройные бедра. Хотя у платья длинные рукава, V-образный вырез подчеркивает декольте. Я всегда был ценителем женских ног, но грудь Хайден – просто совершенство.

– Не ожидала тебя здесь увидеть, – признается она, пока я разглядываю ее как идиот.

– А я тебя.

Я засовываю руки в карманы брюк, стараюсь выглядеть непринужденно. Кровь бурлит в жилах, когда она стоит так близко.

– Значит, наши планы совпали.

– Видимо, да. – Она хватается за руку девушку в темносинем платье и притягивает к себе. – Это Палмер, моя сестра.

– Приятно познакомиться. – Я пожимаю девушке руку. Она смотрит на меня, прищурившись, ее губы разомкнулись, обнажив брекетки. Палмер точно младшая. Она тоже блондинка, и черты ее лица напоминают Хайден.

– А ты кто? – спрашивает она.

– Ой, прости. Это Тони, – Хайден делает особое ударение на моем имени, посылая сестре многозначительный взгляд.

Хмм.

– Подожди-ка, Тони из дилерского центра? – Палмер внимательно смотрит на меня, я не могу сдержать ухмылку. – Хайден сказала, что ты симпатичный.

– Палмер! – Хайден пихает сестру локтем.

– Что? Это же правда! Ты сама всегда говоришь, что нужно быть честной и ничего не утаивать. – Палмер потирает бок. – Тем более, в этом нет ничего страшного. Он на тебя так смотрит, что уверена, он о тебе так же думает.

Хайден смотрит на меня, ее глаза светятся, когда она ловит мой пристальный взгляд, который заметила ее сестра.

– Так ты рассказала обо мне сестре, значит? – спрашиваю я Хайден, подходя ближе. Я вспоминаю, как пару минут назад Хелена вторглась в мое личное пространство, и искренне надеюсь, что Хайден не воспринимает меня так же.

Очевидно, нет, потому что она тоже делает шаг навстречу. Теперь мы стоим так близко, что почти касаемся друг друга. Я чувствую ее восхитительный аромат еще сильнее. В отличие от других приятных запахов этот манит меня, как наркомана.

– Я сказала ей, что ты симпатичный, – поясняет она, – вот и все.

– Значит, ты так думаешь.

– Это слишком банальное слово, чтобы описать тебя, но да. Пока хватит? – Она улыбается, обнажая белые ровные зубы.

Черт. В этой девушке все прекрасно. На ее лице косметики меньше, чем у остальных женщин здесь, но ей она и не нужна. Сексуальное белое платье подчеркивает ее потрясающие формы. На шее то ожерелье со звездами, что я заметил днем. Россыпь золота на гладкой коже. Я зачарован этим ожерельем.

Хочу прикоснуться. Провести по нему кончиками пальцев и посмотреть, появятся ли на ее коже мурашки.

Из динамиков раздается писк включаемого микрофона, люди в зале ахают. Затем раздается звон столового серебра о стекло, я поворачиваюсь и вижу человека, стоящего перед подиумом, на сцене. Он держит вилку в одной руке и бокал вина в другой. Снова постукивает вилкой по краю бокала, а потом объявляет в микрофон:

– Всех приветствую! Пожалуйста, займите свои места. Ужин сейчас подадут.

Я наблюдаю, как сестра тащит за собой Хайден, которая ничего не может сделать, хотя мы продолжаем смотреть друг на друга. У меня возникает искушение пойти за ней, но в последнюю секунду она отворачивается и следует за Палмер. Хайден идет в другой конец зала. Я наблюдаю, как покачиваются ее бедра, как юбка обвивается вокруг них.

Одно неловкое движение – и я увижу ее попку. Эта юбка такая короткая! Мне нравится.

– Тони! Вот ты где! – Я поворачиваюсь. Ко мне направляется отец, лицо у него мрачное. – Пошли за стол.

Я следую за ним, благодарный, что он не пытается представить меня кому-то еще. Он с уверенностью направляется к нашему столику. Понятия не имею, как они понимают, кто где сидит. Уверен, это один из секретов клуба, в который я не посвящен.

Неважно. Я вряд ли стану здесь своим человеком. Это место не для меня.

Наконец мы находим нужный столик, и я сажусь по правую руку от папы. Вскоре к нам присоединяется Хелена: ее щеки покраснелись, в руке – полный бокал вина. Думаю, она уже опустошила несколько таких. Папа бросает на нее неодобрительный взгляд. Она игнорирует его, садится и ставит бокал на стол, откинув волосы на плечо.

– Я видел, как ты говорила с Лори. – Отец, очевидно, раздражен.

В глазах Хелены вспыхивает гнев:

– Она все еще моя подруга. Я не виновата, что ее парень заключил сделку с Камински.

Она не из тех, кто так просто сдается.

Отец злобно смотрит на нее:

– Я же говорил тебе не связываться с их семьей.

– Ты не можешь контролировать, с кем мне разговаривать, Энтони. Я не ребенок. – Хелена надувается именно как маленький ребенок. – Лори моя подруга. Я не могу так назвать больше никого в этом зале, поэтому собираюсь общаться с ней при любой возможности.

– Я не доверяю ее парню.

– И не стоит, – улыбается мачеха, – уверена, он хочет остаться со мной наедине и выпытать все твои секреты.

Она таким тоном произносит «остаться со мной наедине и выпытать», что я удивленно поднимаю брови. Она это замечает:

– Не смотри на меня так. Я видела, как ты флиртовал с Хайден Ченнинг и даже не скрывался, – бросает она.

Отец поворачивается, в его взгляде вспыхивает гнев:

– Ты знаешь Хайден?

– Сегодня утром познакомился с ней в автосалоне... – начинаю я, но он тычет пальцем мне в лицо, его яростный взгляд встречается с моим.

– Не разговаривай с ней. Тебе запрещено даже смотреть на нее, слышишь меня?

Я отстраняюсь от его дрожащего пальца.

– Да в чем дело-то? Я ее толком не знаю.

– Вот пусть так и будет, – рычит папа, тянется за напитком и залпом выпивает, оставив в стакане лед.

Я наблюдаю за ним молча, гадая, что, черт возьми, семья Ченнингов сделала ему, что он так злится. Хелена даже не поднимает взгляд от телефона. Отец внезапно встает, выходит из-за стола и направляется к ближайшему бару.

– Не обращай на него внимания, – говорит Хелена.

– Он разозлился.

– Да он в последнее время вечно злится. – Она пожимает плечами.

– Что ему сделал этот Ченнинг?

– По словам твоего папы, Брайан Ченнинг украл у него три сделки, и все за последние пару месяцев. – Хелен закатывает глаза. – Думаю, он преувеличивает.

– Кровная вражда, значит.

– О, еще какая. Я очень давно дружу с девушкой Брайана Ченнинга. Дольше, чем замужем за твоим отцом. – Она указывает куда-то в сторону. – Ну, ты уже знаком с Лори.

Минуточку. Лори, та платиновая блондинка, с отцом Хайден? Та самая подружка ее отца, о которой она рассказывала?

– Понятно, – я стараюсь реагировать сдержанно, но взбудоражен.

Я и понятия не имел, насколько связан с Хайден из Range Rover.

– Думаю, тебе следует избегать ее. Я про Хайден. – Я вопросительно смотрю на Хелен, и она поясняет: – Это явно не порадует твоего папу.

– Он все равно никогда не проводит со мной время, – говорю я, пожимая плечами. – Какая ему разница, с кем я и что делаю?

– Я серьезно, Тони. Как сказал твой отец, Хайден под запретом. Я не позволю тебе разрушить мою дружбу с Лори только потому, что ты хочешь трахнуть шлюховатую дочку Брайана, – резко заявляет Хелена.

– Шлюховатую? И кто сказал, что я хочу ее трахнуть?

Люди по другую сторону стола наблюдают за нами с явным интересом. Понятия не имею, кто они, но, когда я смотрю на них, они отводят глаза.

– Да тут и говорить ничего не надо, я видела, как ты на нее смотрел, – Хелена ухмыляется. – Лори говорит, что Хайден раздвигает ноги чуть ли не перед каждым встречным.

Поверить не могу, что Хелена заявляет мне такое. Зачем быть такой грубой? Такой неуважительной?

– Ты что, ей завидуешь?

– Я лишь хочу, чтобы ты знал правду. Это самое малое, что я могу для тебя сделать, ведь ты мой пасынок. – Она сдержанно улыбается. – Просто забочусь о тебе, вот и все.

Отец возвращается с двумя стаканами в руках, усаживается на свое место, поворачивается к Хелене и начинает ей что-то сердито шептать. Я игнорирую их. Жаль, что вообще приходится иметь с ними дело.

Но благодаря Хайден вечер становится все интереснее.

Глава 4

Хайден

– О ЧЕМ ТЫ ДУМАЛА, РАЗГОВАРИВАЯ С ТОНИ СОРРЕНТО? – спрашивает папа, как только выводит меня танцевать.

Ужин прошел мучительно. Я жевала сухую курицу и делала вид, что наслаждаюсь рассказами папиных друзей. Они все говорили о себе, о своих успехах и деньгах. Знаю, что все в клубе богатые и успешные, но разве мы не больше этого? Нам следует обсуждать мировые проблемы и варианты их решений – учитывая, сколько у всех здесь денег.

Но нет. За этим столом одно сплошное «мой банковский счет больше твоего».

Некоторые сегодня пришли с сыновьями. Все довольно привлекательные, лукавить не буду. Один чрезвычайно хорош собой. Сидит напротив меня и каждые пару минут сверкает в мою сторону наглой улыбкой, как будто ожидает, что я от одного его взгляда растаю. Его отец перечисляет достижения сына, будто выставляет жеребца на продажу.

Папа чуть ли не слюни пускает – так что своего тот мужчина добился. Жеребцом оказывается игрок в лакросс¹³. Учится в Гарварде. Готовится поступать в медицинский. Хочет стать пластическим хирургом, как его отец. Именно он, судя по тому, что Лори с ним явно хорошо знакома, подарил ей силиконовые сиськи, выпирающие из ее синего платья.

Я смотрю на свою грудь. По сравнению с Лори – доска. Ничего не имею против имплантов. Понимаю, почему женщины так ими увлекаются. Но я бы не хотела грудь, которая вываливается наружу при любом неловком движении.

– Кто такой Тони Сорренто? – уточняю я у отца. Я строю из себя дурочку – прекрасно понимаю, что он говорит о Тони из Range Rover.

И вообще, почему бы мне с ним не поговорить? Он здесь самый горячий парень.

Папа глубоко вздыхает и медленно выдыхает, кружа меня по танцполу. Играет живая музыка, певец исполняет какую-то балладу, кажется, из девяностых.

Ужасно.

– Не лучший выбор.

Звучит банально. Значит, он никогда не разговаривал с Тони.

– Ты знаешь его?

– Я знаю достаточно.

– Так ты знаешь его лично? Вы общались? В гольф вместе играли? Собутыльники?

На его лице мелькает раздражение:

– Нет, я с ним никогда не общался.

Так и думала.

– Тогда откуда ты знаешь, что он такой плохой? Осуждать людей, которых не знаешь, как-то нечестно, – возражаю я.

От гнева его щеки краснеют. Папа обычно довольно спокойный, его редко что-то может вывести из себя – кроме упоминания о моей маме. И изредка его довожу я.

– Его отец – сволочь.

– Так может, он на него совсем не похож.

– Яблоко от яблони недалеко падает.

Я смеюсь:

– Ну вот мы с тобой совершенно не похожи.

¹³ Лакросс – командная игра, в которой игроки стараются забить резиновый мяч в ворота соперника с помощью стика, представляющего собой смесь клюшки и ракетки.

– Мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь, – ухмыляется он и крепче сжимает мою руку в своей. Он любит поговорить о себе. – Просто... забудь про этого парня. Я даже не знал, что у Сорренто есть сын, а он еще и твоего возраста.

– Тогда как ты узнал, что это он? – спрашиваю я. Мой вопрос звучит невинно, но я хочу узнать, почему отец так относится к этим Сорренто.

– Я видел, как ты разговаривала с ним, и разузнал, кто он такой. – Папа бросает на меня строгий взгляд. – Держись от него подальше.

Ох, как глупо. Теперь меня еще больше тянет к Тони. Неужели родители этого не понимают? Если объект твоего интереса под запретом, тебе только и хочется, что обладать им.

Я оглядываю зал, продолжая танцевать с отцом, но Тони нигде не видно. К тому же здесь довольно темно – свет приглушили, как только заиграла музыка, так что разглядеть что-то довольно трудно.

– Прошу прощения, могу я украсть у вас Хайден? – спрашивает уверенный мужской голос.

Я поднимаю глаза. Это Джозеф, сын пластического хирурга. На лице папы сияет широкая улыбка. Он отпускает меня и ведет по направлению к Джозефу.

– Конечно. – Папа подмигивает мне и быстро уходит с танцпола. Придется танцевать с Джозефом. Он обнимает меня, но держится на уважительном расстоянии. Он двигается плавно, надо отдать ему должное. Интересно, ходил ли он на уроки котильона¹⁴? Я – да. Меня хотели отправить на бал дебютанток, но я убедила родителей, что это не для меня. Хотя они сильно настаивали. Зря, что ли, потратили столько денег на уроки танцев? Можно сказать, они были в ярости. Уверена, они отправят туда Палмер.

– Рад, что мы наконец встретились, – Джозеф прерывает молчание.

– И я, – отвечаю я, слабо улыбувшись.

– Твоя мачеха мне много о тебе рассказала, – сообщает он.

– Она не моя мачеха, – поправляю я.

– Ой... ну, девушка твоего отца. Она очень милая.

– Ага. Да. Ну она нормальная вроде бы. – Я бросаю на него многозначительный взгляд: я не хочу говорить с ним о Лори. – А почему ты не на учебе?

– Приехал на выходные. Завтра у папы день рождения. – Его рука перемещается на мою спину и спускается все ниже. Если он продолжит в том же духе, она окажется на моей заднице, а такого я не потерплю. Мы едва знакомы.

– Здорово. А вечеринка будет?

– Да, завтра днем у нас дома. – Просияв, он восклицает: – Приходи! Лори и твой отец тоже приглашены.

– Может быть, хотя завтра мне нужно возвращаться домой.

– А где ты живешь?

– Во Фресно.

Его лицо кривится. Тут все так по-снобски относятся к Фресно.

– Почему там?

– Я учусь в Калифорнийском государственном.

– И на кого учишься?

– Свободные искусства. – Он хмурится, услышав мой ответ, а я продолжаю: – Хочу стать учителем.

Он смеется:

¹⁴ Котильон (*англ., фр. cotillion*) – французский бальный танец. Существует традиция, согласно которой девушек из высших слоев общества официально выводят в свет на танцевальном мероприятии, которое в США называется International Debutante Ball – Национальный бал дебютанток.

– Дай угадаю. Для первоклашек?

Не знаю, почему его догадка так меня разозлила. Может, дело в насмешливом тоне? Веселье в его взгляде заставляет меня думать, что он смеется надо мной.

– Извини, мне нужно в уборную. – Я вырываюсь из его объятий, не дождавшись конца песни, и ускользаю с танцпола так быстро, как могу. Я нахожу нужный коридор, проталкиваюсь в женский туалет и прячусь в кабинке, чтобы прийти в себя в одиночестве.

Да, Джозеф здорово меня разозлил. Почему богатые люди не могут мечтать о чем-то простом? Папа с самого детства твердил, что я могу стать кем угодно. Так чем же плоха учительница младшей школы? Почему все считают мое решение шуткой? Не понимаю.

Дверь в туалет открывается, и я слышу разговор двух женщин. Они говорят тихо, словно не хотят, чтобы их слышали.

– Здесь точно никого нет? – произносит знакомый голос. – Ты уверена?

Вот черт. Я точно ее знаю.

– Уверена, – твердо говорит вторая женщина, – а теперь расскажи, что происходит, пока никто не вошел.

– Это все Джозеф, – отвечает девушка, которая показалась мне знакомой, – он хочет, чтобы я завтра пошла на вечеринку к его отцу.

– Ну а чего б не пойти? Вечеринки у них крутейшие.

– Потому что он опять попытается ко мне подкатить. Я это предвижу.

Я в шоке прикрываю рот рукой. Это Лори. И она утверждает, что Джозеф – парень, с которым я только что танцевала, мистер будущий пластический хирург, – к ней подкатывает. Хотя и знает, что она с моим отцом.

Отвратительно!

– А что в этом плохого? У нас с тобой мужчины постарше, но иногда ужас как не хватает молодой плоти, – смеется незнакомка.

– Согласна, хотя у Брайана с этим все в порядке, если ты понимаешь, о чем я.

Боже мой, она говорит о папе. Я не хочу это слышать. Но если выйти, они поймут, что я все слышала.

– Энтони все время такой уставший. А когда пьет, так вообще.

– Не встает?

– Ага. А потом вырубается и храпит так громко, что я иду спать в гостевую комнату. – У нее вырвался вздох. – Что думаешь о моем пасынке?

– Красавчик, – пылко отвечает Лори. – Высокий, темноволосый. Такой загадочный.

– Думаешь? По-моему, он просто шикарен. И сильно обижен на Энтони. Интересно, захочет ли он ему отомстить, трахая мачеху?

Они смеются. Значит, вторая женщина – мачеха Тони.

Вдвойне отвратительно.

Дверь распахивается, и входят, болтая, несколько женщин. Я жду, молясь, чтобы Лори и мачехи Тони здесь уже не было. Выхожу из кабинки – все чисто. Поспешно мою руки. Я почти бегу по коридору – нужно найти отца и рассказать, что у Лори может быть роман с кем-то моего возраста. Я останавливаюсь. Джозеф ближе к Лори по возрасту, чем мой отец. И она не говорила, что у нее роман с Джозефом. Скорее всего, это он к ней подкатывает. А это разные вещи. Не уверена, что хочу копаться в их грязном белье, когда у меня нет никаких доказательств.

Вздыхнув, я поворачиваюсь и направляюсь во двор подышать свежим воздухом. Здесьлюдно – в основном уединившиеся парочки, но я не задержусь здесь надолго. Мне нужно собраться с мыслями. Я направляюсь в дальний угол террасы и замечаю его. Сидит в одиночестве, во рту сигарета. Редко вижу кого-то моего возраста с сигаретой – все курят вейпы.

И курильщиков я не нахожу привлекательными. Курение убивает. Ужасная, отвратительная привычка.

Но перед Тони Сорренто, ссутулившимся, при полном параде, с ослабленным галстуком и с сигаретой, зажатой между полными губами, я не могу устоять.

– Тони Сорренто.

Он поднимает взгляд при звуке своего имени. Слабо улыбается, отнимая сигарету от губ.

– Хайден Ченнинг.

Хмм, ему кто-то рассказал обо мне.

– Ты знаешь мою фамилию, – говорит он, наклонив голову.

– А ты мою, – отвечаю я. – Мне о тебе отец рассказал.

– То же самое. – Он заколебался на мгновение. – Мой старик ненавидит твоего.

– А мой твоего. Похоже, они заклятые враги.

Я подхожу ближе и встаю прямо перед ним. Налетает ветерок и подхватывает оборки моей юбки. Они касаются его коленей.

– Твой тоже запретил тебе со мной разговаривать? – он вопросительно поднимает темные брови.

Я раздражаюсь смехом:

– Нет. Хотя он назвал тебя, цитирую, «не лучшим выбором».

– Я никогда в жизни с ним не встречался. Он меня даже не знает, – говорит он, хмурясь.

– Вот я ему так и сказала! Как он может судить о тебе, если с тобой не знаком? – Я качаю головой.

– Вот именно. Люди любят осуждать ни за что ни про что. – Его взгляд блуждает по мне, слишком долго задерживается на моей груди. Мне становится жарко. Похоже, он не имеет ничего против настоящей груди. – Могу я тебе кое в чем признаться?

Если он скажет, что я ему нравлюсь и он хочет улизнуть куда-нибудь в чулан, я соглашусь без лишних вопросов.

– Конечно, – холодно отвечаю я. Как будто мне все равно.

– Сегодня я увидел отца впервые за много лет, – признается он. – Мы иногда созваниваемся или переписываемся, но этим наше общение обычно ограничивается.

О. Это даже близко не то, чего я ожидала. Хотя в автосалоне он говорил, что давно не встречался с отцом.

– И как давно вы не виделись?

– Плюс-минус лет шесть. – Он пожимает плечами.

– Серьезно? – восклицаю я. Он кивает, и я продолжаю: – Но, если вы не виделись, как же он подарил тебе машину?

– Прислал. Он всегда так делает. Шлет подарки по почте, деньги переводит на счет. Следит, чтобы нам с мамой всего хватало. Когда я переехал ближе к университету, он позаботился о моей учебе, расходах на проживание. Обо всем, в общем.

Он смотрит вдаль. Ветерок ерошит его темные волосы:

– Он дает мне все, кроме своего времени.

У меня болит сердце за него. Я понимаю, что он чувствует.

– Может, он сильно занят?

– Да, занят. Своей новой семьей, – бормочет он с видимым отвращением. – Сегодня я познакомился с мачехой. Хотя она не сильно старше меня.

Интересно. Неудивительно, что она вела себя так, словно он новенькая игрушка.

– Значит, у тебя был важный день.

– Да. Это точно.

Он роется в кармане, достает зажигалку, вставляет в рот сигарету, подносит зажигалку к ее концу и прикуривает. Тут же выпускает струю дыма. Я хмурюсь.

– Видимо, ты не куришь.

– Это вредная привычка, – выпаливаю я.

– Уверен, у тебя тоже есть такие.

Он бросает на меня понимающий взгляд.

Оох. Это было сексуально.

– Что, хотел бы узнать о них? – поддразниваю я. Надеюсь, мой глупый ответ прозвучал заманчиво.

Он улыбается, но молчит. Меня это нервирует.

Мужчин я никогда не боялась. Всегда любила пофлиртовать. Мне нравится мужское внимание, но оно мне не требуется двадцать четыре часа в сутки. Да, в старших классах у меня были отношения, но в институте я стала больше думать о себе.

Да кому нужны отношения? Точно не мне. Мне еще слишком рано. Я лучше буду свободной. Посмотрите на людей, которые влюбляются и женятся.

Они лгут. Изменяют друг другу. Ссорятся. Разводятся. Нет уж, спасибо.

Поэтому я стараюсь не усложнять. Не позволяю мужчинам влиять на мою самооценку или заставлять делать то, что мне не интересно.

А этот парень? Он держит меня в напряжении. Хуже того, вызывает мой интерес, и я не совсем понимаю почему. Может, дело в том, как он внимательно смотрит на меня?

Курить – отвратительно. Никогда не понимала, чем курение так привлекает, но что-то есть в том, как он подносит сигарету ко рту, слегка сжимает ее губами, а потом выдыхает дым.

Это... о боже, не могу поверить, что думаю об этом, – так заводит.

– А зачем ты вообще куришь? – спрашиваю я. Надеюсь, он не заметил моего раздражения.

– У меня стресс, – объясняет он.

Я хмурюсь.

– Прямо сейчас?

– Ну конечно, прямо сейчас, – отвечает он, вздрагивая, и проводит рукой по челюсти. – Извини. Тяжело иметь дело с отцом и его дурацкой семейкой и участвовать в этой вечеринке, или как, черт возьми, это называется. На меня напялили костюм Gucci и заставили вести себя солидно ради отца, хотя я чувствую себя ребенком, который играет в переодевалки.

Ой. Он очень откровенен со мной. Я не сдерживаюсь, сажусь на стул рядом и поворачиваюсь к нему.

– Тебе станет легче, если я скажу, что костюм Gucci тебе очень идет? – кокетничаю я.

Я пытаюсь изменить тональность нашего разговора. Я не умею быть серьезной. Нам сейчас это не нужно. Серьезность означает что-то большее, а сейчас мне нужно... точно ничего такого. Хочу поразвлечься.

Он проводит длинными пальцами по лацкану пиджака, а я представляю их касания на своей коже.

– Что ж, похоже, костюм окупился.

Я смеюсь. Он тоже усмехается. Мы смотрим друг на друга.

И я совершенно не чувствую неловкости.

– Нельзя, чтобы ты мне нравился, – мягко признаюсь я.

– А ты мне. – Он улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки, а я тихо выдыхаю после его слов.

– Но ты мне нравишься, – шепчу я.

Он медленно наклоняется вперед, тушит сигарету о пепельницу на столике перед нами, который я даже не заметила, сосредоточившись на Тони. Он так близко, что может коснуться моего бедра. Пусть Тони Сорренто трогает меня, где хочет.

– Хочешь, сбежим отсюда? – спрашивает он низким голосом, от которого у меня бегут мурашки. Я замираю от его вопроса.

– И куда мы поедем?

– Не знаю. Ты на машине приехала?

Я медленно качаю головой.

– И я без машины, – разочарованно говорит он.

– Можем вызвать Uber, – предлагаю я. На его лице появляется улыбка, от которой у меня перехватывает дыхание.

– Мне нравится ход твоих мыслей.

– А твой отец не рассердится, если ты уедешь раньше? – переживаю я.

– Как будто меня это волнует. Он не видел меня годами. Ему даже нечего мне сказать, – отвечает Тони с презрением.

Не могу винить его за эти чувства. Должно быть, это больно – расти без отца, хотя я также давно не видела маму. Почему богатые занятые родители думают, что могут купить нашу любовь? И что дорогие вещи смогут их заменить?

Конечно нет. Я не отказываюсь от папиных подарков, но иногда мне просто нужно его внимание. Особенно я нуждалась в нем, когда была младше. В старших классах я играла в волейбол. Получалось не так хорошо, как у Палмер, но я умоляла его прийти и посмотреть на мои матчи. Всего лишь раз в сезон. Преданные родители моих одноклассников приходили на каждую игру, болели за своих детей. Между ними существовала связь, и на них было приятно смотреть. Я ценила это внимание намного больше, чем другие девчонки из команды, ведь их родители всегда были рядом. Для них это являлось нормой, их родители даже дружили между собой.

А я? Я была счастлива, что папа пришел на целых две игры за всю старшую школу. Две из, кажется, миллиарда. Все. И то он едва отрывал взгляд от телефона.

Когда закончила школу и уехала, я словно вдохнула полной грудью. Расстояние помогло забыть обиду, но сегодня она вернулась. Я знаю настоящую причину, по которой мы сюда пришли. Он хотел меня показать. И свести с кем-то. Как будто я продаюсь.

– А твой отец разозлится, если ты уедешь? – спрашивает Тони.

Я медленно качаю головой, хотя, конечно, не уверена в этом.

– Он поймет.

Если бы он знал, что я собираюсь запрыгнуть в такси с Тони Сорренто, сыном его заклятого врага, никакого понимания он бы не выразил. Он был бы вне себя от ярости.

Видимо, это шанс, которым мне нужно воспользоваться.

Глава 5

Тони

МЫ НА ЗАДНЕМ СИДЕНЬЕ черного внедорожника Mercedes SUV. Хайден не соглашается на меньшее, хотя я и говорю ей, что мы можем добраться, куда хотим, и на заднем сиденье Prius¹⁵ или любой другой машины. Нам не нужен Uber X.

Она утверждает, что так чувствует себя в безопасности, поэтому я не спорю. К тому же плачу не я. Хотя я вообще не думаю о деньгах, как и Хайден.

Два богатых избалованных ребенка, которым на все наплевать, – вот кто мы.

Должен признать – машина элегантная. Водитель, подъехав к входу в клуб, где мы его ждем, едва смотрит на нас и бормочет несколько слов Хайден. Мы садимся в машину и сразу тоном в мягких кожаных сиденьях. На центральной консоли между нами стоят охлажденные бутылки с водой и лежит парочка мятных конфет.

– Мило, – говорю я Хайден, когда машина, зарывчав, отъезжает от клуба.

Она улыбается мне и, взяв бутылку воды, откручивает крышку и делает глоток. Я смотрю на нее, завороченный ее изящной длинной шеей, а когда она откидывает голову назад – не могу отвести взгляд от подвески со звездами, которая лежит у основания шеи. Я веду взгляд по ее гладкой коже до основания V-образного выреза платья и гадаю, есть ли на ней лифчик.

Полагаю, что нет.

– Обычно я не такая импульсивная, – признается Хайден, повернув голову в мою сторону. Я встречаю ее взгляд, вижу волнение, искрящееся в ее глазах. – Для меня это что-то новенькое.

Слабо верится: она кажется импульсивной, готовой на все.

– Может, наконец, скажешь, куда мы едем?

Она расплывается в улыбке и медленно качает головой:

– Не-ет. Это сюрприз.

– Я не очень люблю сюрпризы.

Те, с которыми я сталкивался в жизни, не приносили ничего хорошего.

– Этот тебе понравится. Обещаю.

Мы выезжаем из города по мосту через залив в Окленд. Я молчу. Просто плыву по течению, хотя мое любопытство нарастает. Мы болтаем обо всем и ни о чем, а когда замолкаем, смотрим в окно. Но молчание не кажется неловким, не вызывает дискомфорт, особенно если учесть, что мы еще не очень хорошо знаем друг друга. Временами я украдкой поглядываю на нее, удивляясь ее красоте. Поразительно, что она решила сбежать, хотя даже не знает меня.

До сих пор не понимаю, что нашло на меня, когда предложил ей уехать, но ни о чем не жалею. Вечер был сущим кошмаром. Папа, рекламирующий меня друзьям. Хелена и ее тревожный голодный взгляд, который я постоянно ловил на себе. Знаю, она обсуждала меня с подружкой, что я кажусь ей сексуальным или что-то в этом духе. Но это выходит за пределы моего понимания.

Мне меньше всего хочется трахать жену собственного отца.

Должен признаться: зная, что отец Хайден против меня, я хочу проводить с ней еще больше времени. Поэтому я предложил уехать вместе?

Нет, это нечто большее. Меня тянет к этой девушке. Я мало что о ней знаю, но она мне нравится. Думаю, я ей тоже.

Такси наконец останавливается на вершине холма, посреди жилого района, и Хайден выпрыгивает из машины, радостно поблагодарив водителя. Я тоже выхожу и оглядываюсь:

¹⁵ Prius – гибридная модель машины марки Toyota.

сильный ветер сносит меня и распахивает пиджак. Я кутаюсь, дрожа от холода и ветра, а Хайден подходит ко мне, смеясь:

– Здесь холоднее, чем я думала.

Мой взгляд опускается ниже, ее соски выпирают из-под ткани платья. Да, как я и предполагал.

Лифчика нет.

– Где мы, черт возьми, находимся? – интересуюсь я.

Она останавливается передо мной, игнорируя вопрос.

– Пойдем.

Я позволяю ей взять меня за руку и следую за ней, расстояния между нами достаточно, чтобы я мог наблюдать за ее покачивающимися бедрами. То, как она двигается, гипнотизирует меня, и я испытываю искушение засунуть руку ей под юбку и коснуться верхней части ее шелковистого гладкого бедра. Просунуть пальцы в декольте платья и изучить то, что под ним. Поцеловать эти ухмыляющиеся губы.

Но, наверное, было бы не слишком разумно делать первый шаг, когда вокруг, кроме нас, ни души – в такой-то час. Она, скорее всего, закричит и позвонит в 911.

Если она умная, то так и сделает. Она меня не знает. Я могу оказаться кем угодно.

– Вот мы и на месте, – пропевает она, когда перед нами вырисовывается церковь, парковка рядом совершенно пуста. Она берет меня за руку. – Это за церковью.

– Что? – непонимающе спрашиваю я, ускоряя шаг, чтобы идти рядом с ней.

– Увидишь, – загадочно произносит она.

Мы идем по огромной парковке за церковь и натываемся на детскую площадку: большую огороженную территорию с пластиковыми домиками и горками. Все на таких играли в детстве. Там стоит выцветший желто-голубой игровой комплекс с горками, выходящими по обе стороны от него, и скалодромом спереди. Хайден останавливается, бросает мою руку и зовет:

– За мной!

Она начинает карабкаться вверх по горке прямо в туфлях, ее юбка развевается и приоткрывает идеальную задницу.

Я со смехом наблюдаю за ней:

– Какого черта ты делаешь?

– Поднимайся! – Она стоит на самом вершине комплекса, под куполообразной голубой крышей.

Я складываю ладони рупором и кричу:

– Я слишком высокий!

Она упирает руки в бока и закатывает глаза:

– Да не настолько. Давай, поднимайся.

Сдавшись, я взбираюсь на другую горку, не такую крутую, мои новенькие туфли Gucci скользят. У меня подкашиваются ноги, и я чуть не падаю лицом вниз, а Хайден лишь хохочет.

– У тебя получится! – подбадривает она.

Я смотрю на нее и, собрав все силы, подтягиваюсь, проскальзываю через туннель и оказываюсь на вершине рядом с Хайден. Я медленно распрямляюсь, боясь удариться о что-то, но все равно бьюсь головой о крышу.

– Видишь? Не так уж и высоко.

Она ухмыляется, протягивая руку, чтобы коснуться моей щеки. Ее пальцы обжигают мою кожу, во рту пересыхает.

– Посмотри в ту сторону.

Она обхватывает пальцами мой подбородок, осторожно поворачивая мою голову, и у меня перехватывает дыхание от открывшегося вида.

Перед нами раскинулся Сан-Франциско – мерцающий, сверкающий городской пейзаж, открывающийся с задворок неприметной старой церкви в одном из районов Окленда.

– Я бы ввел плату за такой вид, – вздыхаю я, не отрывая глаз.

– Правда? Мы ходили в эту церковь, когда я была совсем маленькой, мы жили неподалеку, – рассказывает она.

Я смотрю на нее:

– Ты жила в Окленде?

– В Беркли. Очень-очень давно, в детстве. Еще до того, как папа заработал состояние.

Она с грустью улыбается.

– Он в детстве ходил в эту церковь, поэтому часто приводил нас сюда. Потом говорил, что это помогает ему снова почувствовать себя молодым. Позже я узнала, что это было как раз в то время, когда моя мама поймала его на измене со своей помощницей. Она сказала мне, что он ходил исповедоваться, хотя это не католическая церковь, но это неважно: я была такой маленькой, что все равно ничего не понимала. Понятия не имела, о чем она говорит. Стало ясно, только когда повзрослела.

Она вздыхает и делает шаг вперед, ухватившись за стену перед собой, высотой до пояса, устремив взгляд на город.

– Да, брак моих родителей трещал по швам.

Я встаю рядом с ней, моя рука касается ее руки. От первого прикосновения загораются искры, согревая мою кожу, но я стараюсь вести себя спокойно.

– Брак моих родителей тоже был хреновым. Они постоянно ссорились.

– Ага, и мои. Пару лет назад я вдруг вспомнила об этой церкви, и мы с Палмер проехали весь район, разыскивая ее, пока окончательно не заблудились, – она смеется и качает головой, – а в итоге наткнулись случайно.

– Почему ты не спросила Сири? – поддразниваю я, и она улыбается.

– Понятия не имела, как называется церковь. К тому же мне даже понравилось: едешь без цели, никто не командует, куда поворачивать и что делать. Мы с Палмер всю дорогу хохотали. Она так злилась на меня, потому что ей нужно было в туалет, а пойти было некуда: ни туалетов, ни магазинов по пути. В итоге она села на корточки вон за тем деревом, – она указывает на огромный дуб неподалеку, – и потом призналась, что вид стоил того, что ей пришлось столько терпеть.

Я опираюсь на стену перед нами, моя правая рука рядом с ее левой. Я заметил, с какой теплотой Хайден относится к сестре, и немного завидую. Кроме друзей, мне не о ком так заботиться, и, если бы я однажды признался кому-нибудь из этих засранцев, что они мне дороги, они бы надо мной посмеялись. Кстати, при переезде я забрал с собой мамину кошку. Люблю эту вретину, но в самом деле. Это же кошка.

– Ты так любишь свою сестру, – замечаю я.

На ее губах появляется едва заметная улыбка:

– Люблю.

– А у меня нет братьев и сестер. – Я делаю паузу и вдруг осознаю: – А, погоди. Вру. У Хелены и моего отца есть девочки-близнецы.

– Лондон и Пэрис. – Хайден ловит мой взгляд. И как ей удастся сохранять серьезное лицо, произнося эти имена вслух, еще и в одном предложении? – Очаровашки.

– Это самые глупые имена, которые я когда-либо слышал в своей жизни, – бурчу я.

Она разразилась смехом, таким звонким, что у меня все внутри приятно сжимается.

– Хотя они действительно очаровательны. Но имена!

– Согласна, имена нелепые.

– И даже близко не итальянские, – говорю я с легким отвращением. Как Хелена убедила отца? Уверен, он не мог такого придумать. Никогда не поверю. Это выдумала Хелена.

– О, так если у тебя будут дети, их имена обязательно должны быть итальянскими? Рокко, Лоренцо и Роза?

– Скорее, Клаудия, Франческа и Винсент, – говорю я, вспоминая двоюродных сестер, – хотя мне все равно, потому что у меня никогда не будет детей.

– Не хочешь? – Забавно, что она не удивлена.

Я мотаю головой:

– Не хочу быть отцом. И жениться тоже не планирую. Любовь для слабаков, помнишь? – Я улыбаюсь ей.

Она придвигается чуть ближе, и я чувствую тепло ее тела, достигающее до меня:

– Ты знаешь, я о любви того же мнения. И тоже никогда не хочу выходить замуж.

– Да брак – как тюрьма, – говорю я, мой голос звучит жестко, потому что я серьезен. – Посмотри, что брак сделал с моими родителями. Теперь они ненавидят друг друга. Папа весь в любви к Хелене, но и их брак, в конце концов, рухнет. Посмотри, как легкомысленно она ко мне клеится, хотя замужем за моим отцом всего два года.

К черту любовь. К черту брак. К черту все это.

– Да и отношения, по сути, та же тюрьма, – добавляет она. – Друзья приходят и уходят. Семья – это навсегда, даже если ты хочешь пристрелить большинство из ее членов. – Я смеюсь. – Зачем связывать себя длительными отношениями, если знаешь, что в итоге будешь несчастен? Слишком большое давление. Слишком много ожиданий.

Черт, она что, поселилась в моем мозгу? Она говорит то, что я чувствую. Никогда раньше не встречал девушку с настолько схожими мыслями.

Она размышляет как я.

– Полностью согласен. Лучше быть одному. – Я придвигаю руку ближе к ее и кладу два пальца на два ее. – Ты мне нравишься, Ченнинг.

– Ты мне тоже нравишься, Сорренто. – Она подталкивает меня бедром, и я спотыкаюсь, как тупица, моя рука выскользывает из ее. – Но мы не собираемся ничего начинать. Ты понимаешь, о чем я?

Я хмурюсь.

– Нет. Объясни.

Она поворачивается, и мой взгляд падает на ее грудь. Обнаженная кожа. Соски – маленькие шарики под тонкой белой тканью платья. У меня текут слюни от одной мысли, чтобы увидеть ее грудь, и я уже собираюсь потянуться к ее талии, как она делает шаг назад, будто знает, что я собираюсь сделать дальше.

Не буду отрицать, меня наполняет страшное разочарование.

– Между нами химия. – Ее голос низкий. Сексуальный. Я наклоняюсь ближе, чтобы лучше ее слышать. – Я чувствую это. И ты тоже. Хотя бы потому, что не перестаешь пялиться на мою грудь.

Попался. Я поднимаю взгляд и вижу ее веселые глаза.

– Прости.

– Не извиняйся. Я тоже не могу перестать пялиться на тебя. Ты очень круто выглядишь, – признается она.

Я расправляю плечи, ободренный ее словами, и чуть не ударяюсь о пластиковую крышу.

– Ты просто великолепна.

– Спасибо, – она смеется и качает головой, – но думаю, нам лучше остаться друзьями.

Какого черта?

– Почему?

– Ты мне слишком нравишься. Думаю, друзья бы из нас получились отличные. А секс только помешает.

Она поворачивается, чтобы снова посмотреть на город, а я испепеляю ее взглядом, пытаюсь осознать сказанное.

– Что значит «секс только помешает»?

Я веду себя как тупица, но, возможно, мой мозг слишком затуманен желанием, и я не могу сосредоточиться на словах о дружбе.

– Он все испортит. Запудрит нам мозги, заставит думать, что нам подходит случайная связь без обязательств, когда в глубине души мы знаем, что наши чувства в конце концов возьмут верх над всем остальным. Мы влюбимся, станем лучшей парой в кампусе, а потом медленно, но верно появятся взаимные обиды и претензии. В конце концов это превратится в гигантский кошмар, и мы начнем громко ссориться на людях. Наши друзья будут тайно делать ставки на то, когда мы закончим отношения, а кто-то даже будет умолять нас поскорее разойтись, потому что их наша драма уже достанет. Это превратится в монотонную череду ссор и траха, пока в конце концов мы не расстанемся.

Я смотрю на нее, пораженный ее объяснением, ее видением. То, что она сказала, звучит сексуально, но безумно.

– Сколько ты сегодня выпила?

Она опять смеется:

– Ни капли. Ты просто в шоке, потому что в глубине души знаешь, это довольно точная оценка того, что может произойти.

– Я понятия не имею, что у нас может получиться. Не могу заглянуть в будущее.

– А я могу. Для этого даже хрустальный шар не нужен. – Она странно на меня смотрит. – Слушай, я не планировала выходить за рамки случайного знакомства.

Не в силах остановить себя, я протягиваю руку, ведя пальцами по ее руке. От моего прикосновения по ней пробегают мурашки. Мне нравится такая реакция, а я ведь к ней едва прикоснулся.

– Может, мы станем друзьями с привилегиями.

– Это предложение должно мне льстить?

Я убираю руку:

– Не знаю. Я тебя обидел?

– Не то чтобы... Но у нас так не получится, Сорренто. Как я уже сказала, ты мне слишком нравишься. Мы слишком нравимся друг другу.

– Я едва тебя знаю, – насмешливо говорю я.

– Но хочешь узнать получше.

Черт возьми, она не ошибается.

– Я бы оставил все как есть.

– Серьезно? – Она вскидывает бровь и делает шаг назад, потянувшись к ремню на своей талии. – Значит, если я сейчас разденусь, опущусь на колени и сделаю тебе минет, ты позволишь мне уйти после того, как я дам тебе кончить мне в рот?

У меня на языке крутится: «Иисус, мать твою, Христос, да, черт возьми», – но я говорю:

– Я бы волновался за тебя. Как бы ты добралась домой?

– Это была бы моя проблема. Без обязательств, помнишь? – Хайден медленно развязывает пояс, верх платья ослабляется, приоткрывая ее грудь. – Что, если я скажу тебе, что я большая девочка и мне не нужен мужчина, чтобы помочь добраться до дома?

Я провожу рукой по лицу, пытаюсь разобраться в своих хаотичных мыслях. Верхняя часть ее платья сейчас совершенно свободна, V-образный вырез широко распахнут, края зацепились за соски. Этот вид дразнит, показывая мне что-то, но не все.

– Ты будешь совсем одна в субботу вечером в незнакомом районе. Это опасно.

– Прямо как сейчас? Совсем одна с тобой. В незнакомом районе. Ты опасен, Тони?

Она запускает руки под юбку, они ползут к бедрам, и она что-то стягивает. В следующее мгновение понимаю, что ее трусики сползли на колени и она держится за стену, осторожно снимая их, пока они не превращаются в скомканное в руке кружево.

– Ты мог бы воспользоваться мной прямо сейчас, если бы захотел. Я бы кричала, и никто бы меня не услышал. А если бы и услышали, то отмахнулись бы: моя хата с краю, кто-то другой вызовет полицию. Никто никогда не хочет вмешиваться. Ты мог бы развлекаться со мной всю ночь здесь, и я не смогла бы ничего сделать, чтобы остановить тебя.

Я напрягаюсь, и это не самое приятное чувство. Ее слова меня одновременно возбуждают и наполняют отвращением.

– Я бы никогда так с тобой не поступил.

– Видишь? Ты подтверждаешь мое мнение. – Она придвигается ближе и хлопает меня рукой по груди. Она убирает руку, я ловлю падающие трусики и сжимаю их в ладони. – Если бы это было случайной связью, ты бы с готовностью согласился на все это. Тебе было бы все равно, что я думаю о тебе, и ты бы точно не беспокоился, что мне будет больно. Ты был бы слишком сосредоточен на том, что мои сиськи практически голые, я только что сняла стринги и предложила сделать тебе бесплатный минет. Вот это и было бы важно.

Я моргаю. Меня бесит, что она права. Мы едва знакомы, но я не поступлю так с ней. Я слишком ее уважаю.

Я вообще уважаю женщин.

– Черт, – издаю я стон, откинув голову назад, а она смеется. Должно быть, мои мучения ее забавляют.

– Не расстраивайся. Ты из хороших парней. Я поняла это, как только встретила.

– Правда?

Она кивает, чертовски самодовольная:

– Определенно. Поэтому, хотя я уверена, что между нами все было бы *потрясающе*, и я, вероятно, вскружила бы тебе голову, мы никогда не сможем перейти черту. Ты не сможешь уйти от меня.

Теперь моя очередь смеяться:

– Ты правда так думаешь?

– О, я абсолютно уверена. Я вижу это в твоих больших карих глазах, которые, надо сказать, очень красивы. Каждая черта твоего лица достойна обложки журнала. Или обложки романа. Ты читаешь романы, Тони?

– Нет, конечно, – спешу ответить я.

– А стоило бы. Ты мог бы кое-чему научиться. Короче, о чем это я? Ах, да. Ты хороший парень, и я тебе нравлюсь, и я признаю, что и ты мне тоже нравишься, но мы не сможем двигаться дальше, потому что у нас одинаковые взгляды на отношения. И они сводятся к тому, что отношения – отстой. Так что нам придется быть просто друзьями. Вот и все. Конец истории. – Она снова отводит взгляд в сторону, ее руки скользят к тканевому поясу, завязывая его так, чтобы топ снова прикрывал грудь. – Ты даже не завелся, когда я показала тебе сиськи.

Да я был дико возбужден. Но не говорю ей об этом. Я засовываю руку в карман брюк и прячу туда ее трусики. Оставляю на память. Я похож на извращенца? Плевать.

– Я больше люблю ноги, – признаюсь я, и это правда.

Ее губы изгибаются в улыбке:

– Может, нам пора уходить отсюда?

– Как доберемся домой?

– Uber, естественно. – Она достает из кармана платья телефон и вызывает такси. – Будет через десять минут. Спорим, это та же машина, которая нас привезла?

Я не успеваю ответить: она скатывается с горки, поддерживая руками юбку – трусиков-то нет, – и радостно вскрикивает. Я смотрю ей вслед, очарованный тем, как она танцует на траве,

прыгая и кружась. Она открывает маленькие ворота детской площадки и оборачивается, чтобы взглянуть на меня, помахав рукой:

– Подтягивайся, Сорренто!

Я тоже спускаюсь с горки и направляюсь к ней. Она бежит впереди, ее юбка колыхается, ее смех заразителен. Я не могу не улыбнуться, несмотря на ощущение, что я что-то упустил.

Возможно, я упустил свой шанс.

Она поворачивается и идет спиной вперед, указывая на меня:

– Обещай, что мы встретимся в кампусе.

– Клянусь. – Я поднимаю руку, жалея, что у меня нет с собой Библии.

– Ты меня не продинамишь? Я тебя точно нет.

Она хихикает, и я думаю – а не пьяна ли она? Но она утверждает, что не пила сегодня вечером, так что...

– Нет. Обещаю.

А я обычно ни хрена никому не обещаю.

– Видишь? Правильный ты парень. Оставь стринги на память, Сорренто, чтобы никогда не забыть эту ночь.

Даже без кружевного сувенира я знаю, что не забуду.

Никогда.

Глава 6

Хайден

Я ПРОСЫПАЮСЬ С РАССВЕТОМ. Сперва моего лица касаются слабые лучи солнца, вслед за ними – заливают свет. Небо все ярче, и, наконец, глаза слепит белый шар, на который больно смотреть.

Я приоткрываю невидящие глаза. Со второй попытки мне удается разглядеть свою подростковую комнату. Солнечный свет бьет сквозь тонкие шторы. В комнате, пожалуй, слишком ярко.

Болит голова. Я вслепую тянусь к телефону на прикроватной тумбочке, чтобы посмотреть, сколько времени. Без десяти двенадцать.

Черт.

Я сажусь на кровати и откидываю волосы с лица, не выпуская из рук телефон. Вспоминаю о прошедшей ночи с Тони и ужасаюсь.

О чем я вообще думала, когда вешалась на него, расстегивала платье? Слабоумие и отвага.

Он точно подумал, что я омерзительная. Нелепая. Еще хуже? Девчонка из разряда «возбудим и не дадим»?

Я проверяю телефон, чтобы отвлечься. Грейси, моя соседка, прислала фотки со вчерашней вечеринки – у нее в руке пластиковый стаканчик, на лице широкая улыбка, рядом с ней какой-то симпатичный парень, его глаза устремлены исключительно на нее, хотя он и едва держит их открытыми.

Я завидую ее способности бегать за парнями, мгновенно влюбляться и быстро приходить в себя после того, как они бросают ее. Я не такая. Раньше я считала это достоинством. И говорила ей, что в ней слишком много чувств, а она охотно соглашалась.

Мне их, наоборот, не хватает.

У меня слабоумие и отвага. Вся в отца. Не стоило ему говорить мне держаться подальше от Тони Сорренто.

Теперь все, что я хочу, – увидеть его снова. Поговорить с ним. Может, позволить к себе прикоснуться.

При этой мысли меня бросает в дрожь.

В дверь быстро стучат, и в комнату проскальзывает Палмер, полностью одетая и готовая куда-то идти.

– Ты еще в кровати! – ее голос звучит обвиняюще.

Я откидываюсь на подушки, голова погружается в пуховую мягкость.

– Ну и что? Сегодня же воскресенье.

– Папа ждет нас на завтрак в «Уитморе».

«Уитмор» – модный отель в центре Сан-Франциско; когда-то особняк одной из самых богатых семей на Западном побережье.

– Он уже уехал вместе с Лори. Я сказала, что нас отвезешь ты.

– Я не готова. – Я закрываю лицо руками. Так и представляю: я ем киш и французские тосты бриошь, потягиваю «Мимозу»¹⁶ и узнаю знакомых за другими столиками. А папа, раздутый от гордости, рассказывает о своих девочках, взглядывает на Лори.

Нет, спасибо.

– Ну так собирайся. – Палмер шлепает по моим укутанным в плед ногам. – И побыстрее.

¹⁶ «Мимоза» – алкогольный коктейль. Смесь шампанского (или игристого вина) и апельсинового сока.

Я подчиняюсь, поручив младшенькой выбрать мне наряд. Вернувшись домой вчера вечером, я приняла душ, так что эта часть приготовлений, к счастью, отпадает. Я делаю легкий макияж. Палмер завивает мне волосы.

Из дома мы выходим примерно через двадцать минут. Просто чудо.

К удивлению, движение на дорогах тоже на нашей стороне, и когда мы входим в ресторан отеля, папа и Лори только принимаются за еду. Папа замечает нас, его глаза загораются, он вскакивает на ноги, бросив салфетку на стол.

– А вот и мои девочки! – приветствует он нас. Палмер, как восторженный щенок, кидается к нему, обнимает и целует в щеку. Мое приветствие более холодное. Более утонченное. Я все еще немного обижена из-за того, как он вчера со мной обращался, и хочу, чтобы он знал об этом.

Лори наблюдает за нами с тонко завуалированным отвращением на лице. Она пока не осознала, в чем заключается цель позднего завтрака в отеле, хотя суть показушного субботнего ужина в клубе, безусловно, понимает. Если она продержится достаточно долго и родит от отца детей, то, в конце концов, поймет.

Может быть.

Я думаю о Лори. Особенно теперь, когда знаю, что Джозеф, сын пластического хирурга, пытается залезть к ней в трусики.

Мерзость.

Папа отправляет нас к шведскому столу. Мы берем тарелки и расхаживаем среди заставленных едой столов. Это не типичный шведский стол «бери все, что можешь съесть», которые популярны в центральной части США. Единственное, с чем могу это сравнить, – воскресный бранч в Ritz¹⁷ в Париже. Здесь нет переваренных яиц в огромном чане, подогреваемом под лампой. Здесь изящные стеклянные тарелки со свежими пышными блинчиками и идеально золотистыми хрустящими французскими тостами. За перегородкой ждет повар, готовый испечь блинчик с любой начинкой, какую пожелаете. Разнообразие свежее испеченных булочек и свежайшего сыра. Мясо всех видов, большинство из которых вы никогда бы не подумали съесть на завтрак. Сладкая выпечка, напоминающая произведения искусства.

И шампанское. Много шампанского. В школьные годы я чувствовала себя ужасно взрослой, когда отец брал меня сюда. Особенно мне запомнился один воскресный бранч. Мне было семнадцать, я только окончила школу, и было холодно. Типичный летний день в Сан-Франциско. Я выпила столько шампанского, что покраснелась и постоянно болтала. В общем, была сама собой, если умножить на миллион.

Как только мы усаживаемся за стол, где нас ждут свежие коктейли, папа заводит:

– Где ты была вчера вечером?

Мой рот набит омлетом, который мне только что приготовил шеф-повар. Я жую, а папа наблюдает за мной, готовый уличить во лжи. Пусть мне всего двадцать и я еще только вступаю во взрослую жизнь, но я живу с ним достаточно долго, чтобы знать, что у него на уме. Мне хорошо знакомы его вопросительные взгляды, его подозрения.

– В Окленде, – отвечаю я, проглотив омлет и сделав глоток «Мимозы». В коктейле больше шампанского, чем апельсинового сока, и пузырьки щекочут мне нос.

Его правая бровь взлетает вверх.

– Какого хрена ты делала в Окленде?

Лори кладет руку ему на плечо:

– Брайан. Пожалуйста. Тебя услышат.

¹⁷ Ritz (Риц, Ритц) – пятизвездочный отель класса люкс с высочайшим уровнем обслуживания. Был построен в 1898 году. Одна из достопримечательностей Парижа. Известен также именитыми постояльцами, в честь которых названы номера: Коко Шанель, Чарли Чаплин, Грета Гарбо, Марлен Дитрих и др.

Он тяжело дышит. Его ноздри раздуваются. Я продолжаю есть омлет, хотя внутри дрожу от страха. Я не думала, что он настолько разозлится.

– Ты знаешь, во сколько ты вернулась домой? – спрашивает он напряженно.

Я кладу вилку на край тарелки и встречаюсь с ним взглядом.

– Да, папа.

– Полагаю, в Окленд ты ездила не одна.

Я молча качаю головой.

– В кампусе ты живешь самостоятельно, но здесь, под моей крышей, ты должна следовать моим правилам. Ты поняла?

Я киваю и склоняю голову, опустив взгляд. Ему это и нужно – послушная дочь, публично наказанная посреди одного из лучших в городе ресторанов. Здесь обедают деловые партнеры. Мужчины, с которыми он играет в гольф. Женщины, с которыми он, возможно, спал. Это его территория, и мне повезло, что меня пустили сюда.

– А с кем ты была, Хайден? – спрашивает Лори. Я слегка поднимаю голову, глядя на нее. Это не по сценарию. Мне не нравится, что она вмешивается. В прошлом, когда я попадала в похожие ситуации, то сразу признавала свою вину, и отец не вдавался в подробности. Он быстро забывает, с кем я была и что делала.

Потому что он не хочет знать? Не хочет иметь представление о том, чем может заниматься его старшенькая, когда гуляет допоздна?

Это мое предположение.

Лори же очень любопытна. Хуже того, она, возможно, беспокоится, что я была с ее драгоценным Джозефом. Я не отвечаю. Лори, у которой язык без костей, продолжает:

– Джозеф ушел вскоре после тебя.

Интуиция меня не подвела. Я по-прежнему не отвечаю. Мои губы складываются в легкую улыбку.

Ее взгляд пронзает меня. Ревность ей не к лицу.

Я смотрю на отца. Он заметно расслабился. Напряжение спало с его плеч. Вероятно, он доволен, что я ездила в Окленд с Джозефом. И занималась бог весть чем. Надеюсь, Лори в подробностях представила, как мы сплелись в экстазе, обвив друг друга руками и ногами, как лианами. Она заслужила это за то, что поддалась искушению изменить отцу.

Если он когда-нибудь поймает ее с Джозефом, ее ждет адская расплата.

– Ты пойдешь с нами на вечеринку, – сообщает он так, будто выбора у меня нет.

– Но мне пора ехать. Завтра к первой паре.

– Ты все равно вечно не спишь по ночам, – возражает он. – Ты едешь с нами. К себе вернешься позже.

Я непонимающе моргаю и перевожу взгляд на Палмер. Она слишком занята едой и ведет себя так, будто все, что сейчас происходит, – не происходит вовсе.

Завидую ее молодости.

К ней тоже предьявляются ожидания, но не такие высокие. Отец хочет, чтобы она хорошо училась, преуспевала в спорте и делала все, что он говорит, без лишних вопросов. Это проще, когда ты так юна. Когда еще не ощутила вкус свободы. Пока у Палмер нет забот.

Я в ее возрасте была совершенно другой. Я была бунтаркой. Непокорной. Меня напрягали требования отца, я их не слушала. Никогда не устраивала сцен, но делала то, что считала нужным, несмотря на его протесты.

Мы прошли с ним через много конфликтов. Много отобранных телефонов, ноутбуков и машин. Я сломалась в начале выпускного класса, да и то лишь когда поняла: если будут делать то, что он просит, и вести себя так, как он хочет, – получу свободу.

С тех пор, как я съехала, прошло два года, но мои крылья все еще подрезаны. Я свободна, пока не здесь. Как только возвращаюсь домой, а он просит об этом часто, я оказываюсь запертой в клетке. Помню «о своем месте и своем долге».

Я другой человек, когда не здесь, – и мне больше нравится та версия меня.

– Я ясно выражаюсь? – спрашивает он, прервав мои размышления.

Я смотрю ему в глаза:

– Да, папуль.

Лори улыбается. Ей нравится видеть мои унижения. Вот поэтому она больше общается с Палмер. Наладить отношения с дочерью, которая все еще живет с ними под одной крышей, – умный ход с ее стороны, не отрицаю. Зачем пытаться умастить меня? Я не нужна ей. Они втроем против меня – еще более умно.

Она не понимает, что Палмер никогда меня не предаст. Мы вместе пережили развод родителей. Для моей сестры единственный человек, которому можно доверять, – это я. И это взаимно. Родители предали нас. Использовали во время судов за опеку. Это время, которое я предпочла бы забыть. Палмер чувствует то же самое.

Так что Лори может подлизываться к Палмер сколько угодно, а Палмер с радостью примет все ее подачки. Я бы на ее месте поступила так же. Даже грустно, как иногда легко использовать людей.

Единственный человек, которого я по-настоящему люблю. Я имею в виду слепо, до обожания, – это Палмер. Вот так.

Она – все, что у меня есть.

После бранча мы возвращаемся домой и снова переодеваемся для дня рождения. Потом садимся в папин внедорожник Mercedes и отправляемся в дом доктора Джозефа Даброу. Мы входим в фойе с высоченными потолками и яркими картинами на стенах. Это чудовищно безвкусный дворец, недавно переделанный новой женой Даброу. У нее с мужем, по крайней мере, не такая разница в возрасте, как у моего отца и его подружки, но все равно: по словам сплетницы Лори, она моложе его прошлой жены и тратит деньги так, будто им конца не будет. Что, я полагаю, соответствует истине.

Нас проводят по дому; новая хозяйка Мисти Даброу интересуется, не желаем ли мы экскурсию, отец вежливо отказывается. Она флиртует с ним. Лори вставляет язвительные комментарии, а я думаю, подруги ли они. Как-то не похоже.

Вечеринка проходит на улице. Прием обещает быть торжественным. Выйдя во двор, я в первую очередь замечаю цветы. Миллион темно-алых роз. Композиции на столах, барных стойках, вокруг бассейна. Они, должно быть, потратили на них тысячи долларов, потому что цветы повсюду. *Везде*. От их одурманивающего аромата я чихаю.

– Джо любит цвет крови, поэтому тут столько роз. – Я слышу, как Мисти объясняет это группе женщин, среди которых и Лори. Лицо у Мисти натянутое, а в кроваво-красных блестящих губах явно филлер. Я думаю, что она когда-то была его пациенткой, так они и познакомились. Он был женат. Она была не замужем, моложе и красивее его жены, которую пришлось поменять на новую модель.

В ее первый визит он наверняка вколол ей ботокс. Сделал губы полнее, так что ее брови застыли, словно в постоянном удивлении. Держу пари, она дар речи потеряла, когда впервые увидела свое новое помолодевшее лицо. Уверена, она была красива в тот момент.

Но сейчас она выглядит так же, как ее подруги. Через несколько лет и Лори будет похожа на них. У пластических хирургов особый взгляд на внешность женщины, хотя не думаю, что они это специально. Но он видится в изгибе нижней губы или кончике нового носа. Они художники, работающие с кожей, костями и хрящами.

Женщины смеются над словами Мисти, одна из них просит объяснить.

– Кровь для Джо означает деньги. Он ежедневно сталкивается с кровью, знаете ли. И именно так он зарабатывает себе на жизнь, поэтому насыщенный красный – его любимый. Когда мы только начали встречаться, он всегда дарил мне одну красную розу, такую темную, почти черную, – объясняет Мисти, тоскливо вздохнув.

Я задерживаюсь рядом с этой группой. Отец уже ушел с кем-то общаться, а Лори полностью меня игнорирует. Даже Палмер нашла с кем поговорить: у Даброу есть дочь ее возраста, и они дружат.

Мне здесь не с кем побеседовать. Что ж, остается эта новая жена с рассказами о розах. Подруги слушают ее с восторженным вниманием, и я тоже изображаю интерес.

– Значит, ему нравится, как ты украсила сад? – воодушевленно спрашивает одна из женщин, похоже, отчаянно желая узнать подробности.

Взгляд Мисти сразу меркнет, и я понимаю, что ответ будет отрицательным. Ему не нравятся все эти розы. Наверное, считает декорации праздника безвкусными. Так оно и есть: розы покрывают все доступные поверхности, и их аромат удушает. Аллергикам явно не повезло.

– О, ему понравилось. Он так удивился, – отвечает она. Уверена, что последняя часть – правда. Он определенно удивился.

Но совершенно точно не обрадовался.

Я ухожу от женщин и брожу по заднему двору. Прекрасное место, если не считать розы. Огромный бассейн и сад с пестрыми цветами. Повсюду пышная зеленая трава. Во внутреннем дворике тоже общаются гости. Я направляюсь туда. Ко мне подходит официант с подносом, уставленным бокалами с шампанским. Я беру бокал, пробормотав благодарность, и он улыбается мне. Он, похоже, примерно моего возраста, и он симпатичный. Хотя и не такой привлекательный, как Тони.

– Как вас зовут? – дерзко спрашивает он, и я собираюсь ответить, но тут глубокий мужской голос произносит:

– Иди обслужи еще кого-нибудь.

Я бросаю удивленный взгляд на обладателя голоса. Джозеф Даброу-младший стоит, нахмурившись.

Официант отходит без лишних возражений.

– Это было грубо, – замечаю я, делая глоток шампанского. Оно игристое, холодное. Лучше, чем в ресторане.

– Он флиртовал с тобой. А он всего лишь слуга. Засранцу нужно знать границы, – говорит Джозеф, подходя ближе. Его грозное лицо светлеет. – Рад, что ты пришла.

– Правда? – спрашиваю я. Мой голос звучит скучающе, но мне и правда скучно. Я не хочу быть здесь. Хочу быть в машине посреди долгой скучной дороги обратно во Фресно и подпевать любимым песням на Spotify.

Джозеф кивает с холодным выражением. Будто я ничего для него не значу, хотя в его бледно-голубых глазах виден нескрываемый интерес. Я нервно отворачиваюсь.

– Похоже, мы единственные ровесники на этом провале под названием вечеринка, – комментирует он.

Я оборачиваюсь, мысленно отмечая, что он прав.

– Почему провале?

– Да эти розы. Мисти, как обычно, переборщила. У нее нет чувства меры. Не то что у мамы. – Он отпивает из низкого бокала напиток золотисто-коричневого цвета. Явно не шампанское. – Отец с первого взгляда их возненавидел. Говорит, это безвкусица.

– Полностью согласна.

Джозеф едва заметно улыбается:

– Мисти выросла в маленьком городке на севере. Они женаты уже два года, но она к такому до сих пор не привыкла.

– Она подружкам рассказывает, что твой отец любит цвет крови и что он напоминает ему о деньгах.

Чувствую себя стукачкой, но вдруг он посчитает это забавным.

– О да, похоже на нее, – он закатывает глаза, – но давай сменим тему.

Мой тон сразу же меняется:

– О чем поговорим?

Я так легко возвращаюсь к старым привычкам. Флиртую с парнями. Прикидываюсь скромницей. Он же мне совсем не интересен.

– Я надеялся, что мы поговорим в клубе, но ты исчезла с Сорренто.

Он словно не заинтересован, но глаза...

Они выдают все. Как будто он понял, что наш с Тони побег был тайным.

Я выпрямляюсь, стараясь не выражать эмоций. Не уверена, что у меня получилось. Его замечание задело меня за живое, а это ему и было нужно.

– Я уехала одна.

Он лукаво улыбается и подносит бокал к губам:

– Неа. Я вас видел.

Я молчу, перебираю варианты ответа. Нужно придумать объяснение.

– Я был в холле, когда вы вдвоем вышли из клуба, а потом сели на заднее сиденье такси.

Теперь Джозеф ухмыляется во весь рот и самоуверенно перекатывается на пятки, пока я пытаюсь увильнуть.

– Вот это твой папа разозлится, когда узнает, что ты ушла из клуба с сыном его врага.

– А ты-то откуда знаешь, что Сорренто и папа – враги? – спрашиваю я. Бесит, что я ничего про эту ситуацию не знаю. Наверное, так бывает, когда уезжаешь учиться и совсем не интересуешься делами отца.

Хотя я, вообще-то, и раньше не особо интересовалась. В школе мне также было все равно, хотя он и пытался что-то объяснять. А сейчас и подавно. Я сбежала от отца при первой же возможности.

Хотя, когда речь заходит о Тони и его семье, мне становится любопытно. Что они с папой не поделили? Почему ненавидят друг друга? Не понимаю.

– Лори сказала, – объясняет он и поджимает губы. Понимает, что этого не следовало говорить.

– Вы двое, похоже, очень дружны.

Теперь и у меня есть кое-что на него.

– Она дружит с Мисти, – отвечает он, но звучит неубедительно.

– И как это у вас получается сохранять отношения, пока ты учишься в Гарварде? – спрашиваю я, словно сама невинность.

– Я... у меня были... хм... небольшие проблемы, и в этом семестре я дома. – Он выпрямляется. – Вернусь к учебе весной.

– Какая жалость.

Мужчины так хорохорятся и выделываются, а внутри полны дерьма. Мне надоело, что мной играют.

Наверное, поэтому меня так тянет к Тони. Он не врал мне. Хотя мог придумать какую-нибудь чушь, будто учится в Стэнфорде или Калтехе¹⁸, или наврать, что он известный спортсмен или сверхгений и готов стать следующим Стивом Джобсом. Мужчины вечно так делают, хотя это никому не нужно.

В мужчинах я люблю честность.

¹⁸ Калтех (Калифорнийский технологический институт) – частный исследовательский университет в Калифорнии. Один из ведущих университетов США.

А еще люблю запретные плоды, к которым мне нельзя прикасаться.
Такие, как Тони Сорренто.

Глава 7

Тони

Я ЛЕГ СЛИШКОМ ПОЗДНО. Встал уже в одиннадцатом часу, и дома было жутко тихо. Здесь же живут две маленькие близняшки, и из коридора всегда доносятся их крики и лепет.

Я выползаю из кровати и иду в смежную с комнатой ванну помочиться. Мою руки. Обдаю лицо холодной водой, чтобы проснуться. Волосы торчат, и я безуспешно пытаюсь их пригладить влажными руками. На мне черные трусы-боксеры, а вода такая ледяная, что по коже бегут мурашки. Вспоминаю мурашки, которыми покрылась Хайден. Вчера вечером, на детской площадке, когда расстегнула платье, обнажив усеянную мурашками кожу.

Она дразнила меня словами и дьявольской улыбкой. Кокетливая юбка ее платья развеивалась на ветру, танцуя вокруг стройных бедер. Ее скомканные стринги все еще лежат в переднем кармане брюк, которые я ночью кинул на пол.

Я почти поверил, что все произошедшее, этот сюрреалистичный момент и вообще прошлый вечер, было ненастоящим. Хотя знаю, что это не так.

Ее трусики тому доказательство.

Я выхожу из ванной, и в этот момент дверь моей спальни распаивается. На пороге стоит Хелена, одетая в тонкую ночную рубашку из шелка и распахнутый халат. Она удивляется:

– О! Не думала, что ты проснулся.

– Ты не постучалась. – Я раздраженно почесываю грудь. Моя мачеха ворвалась ко мне в комнату, когда я практически голый.

Будто специально.

– Прости. – Она кладет руку на грудь, привлекая к ней внимание. Глубокий вырез рубашки открывает чудесный вид, но это мне не интересно.

– Я хотела узнать, не хочешь ли ты позавтракать.

– Ты собираешься приготовить мне завтрак? – спрашиваю я.

Она кокетливо смеется приятным звонким смехом. Она флиртует со мной еще активнее, чем вчера.

– Нет, глупенький. У нас для этого есть повар.

– Где отец?

Она погрузилась. По ее сценарию я не должен был спрашивать о нем.

– Затаился у себя в кабинете.

– А сестры?

– Легли подремать. Ты поздно вернулся. – Она проходит в комнату, закрывая за собой дверь. – Тебе было комфортно спать?

Что у этой женщины на уме?

– Конечно.

– Хорошо. – Она останавливается передо мной, и я вижу слегка больше, чем требуют приличия, хотя и сам почти раздет. Она с интересом изучает меня. Обычно, когда меня рассматривает привлекательная женщина, я волнуюсь.

Но сейчас никакого волнения. Слава богу!

– Просто хотела сказать, твой отец очень рад, что ты здесь. Что все, кого он любит, собрались под одной крышей, – сообщает она низким голосом, а ее глаза горят при взгляде на меня.

– Уверен, что он без ума от радости.

Это все, что я могу ответить. А что еще говорить? Он хочет меня контролировать. Вчера я это понял.

– Я должна предупредить тебя, – начинает она, но поджимает губы и смотрит неуверенно.

- О чем?
- Твой папа был недоволен, когда ты ушел, – она наклоняет голову в сторону, ее темные волосы падают на плечи, – и мы не знали, где ты.
- Я не мог там оставаться. Эта дерьмовая вечеринка меня напрягала, – честно говорю я.
- С кем ты уехал?
- Я молчу.
- Я видела, что ты сел в машину с какой-то блондинкой.
- Чертово дерьмо.
- Да так, ничего особенного.
- Тайком сбежать с Хайден Ченнинг – это не «ничего особенного» для твоего отца, Тони. Он будет недоволен.
- Я здесь не для того, чтобы угодить ему.
- А стоило бы. Он имеет целое состояние и скоро собирается отойти от дел, – говорит она. – И хочет оставить все тебе.
- Я напрягаюсь.
- Что значит «все»?
- Весь бизнес. Он хочет, чтобы ты как можно скорее возглавил его. Тебе стоит об этом знать.
- Он никогда не говорил мне об этом.
- Твой отец не всегда говорит вслух о своих ожиданиях. – Она скрещивает руки на груди. – Он позволяет тебе учиться, чтобы ты выкинул из башки всякую дурь.
- Какую дурь?
- Тусовки. Футбол. Что ты там еще делаешь. После выпуска он ожидает, что ты будешь работать на него. – Она подходит еще ближе и кладет руку мне на грудь. Ее халат задевает мои голые ноги.
- Ты такой горячий.
- Какого черта ты делаешь?
- Она невинно моргает широко раскрытыми голубыми глазами:
- Просто пытаюсь дать тебе понять, что здесь происходит и что от тебя ожидают.
- Больше похоже, что ты хочешь потрахаться.
- Она откидывает голову назад и смеется:
- И зачем это мне, если ко мне в постель каждую ночь приходит твой отец? А ты еще ребенок.
- Я ближе по возрасту к тебе, чем он, – напоминаю я.
- Ее губы сжимаются в плотную линию. Она игнорирует мои слова.
- Просто будь умнее, Тони. Дружи с правильными людьми.
- Или что?
- Или ты окажешься не на той стороне. Не на стороне своего отца, а ты этого не хочешь, – объясняет она.
- А что будет, если я не захочу управлять бизнесом? – Не знаю, почему я спросил ее об этом, но она ближе к отцу, чем я. Я не понимаю его. Да и никогда не понимал. И он не беседует со мной о бизнесе. Все эти предложения, типа «давай снова будем вместе и проведем хорошо время как отец и сын», исходят от него.
- Видимо, он собрался завалить меня тяжелыми деловыми вопросами позже.
- Значит, наверное, продаст кому-то еще. Если хочешь знать мое мнение, это неправильно. А чтобы я помогала – не хочет. Утверждает, что я не пойму. Ну а девочки слишком маленькие. Да даже если бы были постарше, он бы не оставил им дела. Он говорит, что то, чем он занимается, – не женское дело, – добавляет она с отвращением.
- Шикарно. Мой отец еще и гребанный сексист.

– Что-то я не горю желанием.
– Ты будешь идиотом, если откажешься. Не делай глупостей. Ты бы помог бизнесу расти. – Она улыбается своей хитрой улыбкой. Я бы не удивился, если бы она высунула язык и облизнула губы. – А я могла бы тебе помочь.
– Мне нужно в душ. – Ночью я уже был там, но она-то этого не знает. – Тебе лучше выйти. Она не двигается и задумчиво смотрит на меня.
– Тебе нужна помощь? – наконец спрашивает она.
Будто личную услугу предлагает.
О чем я вообще думаю? Конечно, она предлагает себя в качестве «помощника».
– Разве я не слишком молод для тебя?
– Я могла бы научить тебя кое-чему.
– Нет. – Я киваю в сторону двери. – Тебе лучше уйти.
Она отворачивается. Халат развеивается как плащ.
– Ты не понимаешь, от чего отказываешься, – говорит она, направляясь к двери, – просто поразмышляй о том, что я сказала, Тони. И знай, твоя мачеха всегда будет рядом, когда бы тебе ни понадобилась.
Дверь закрывается с тихим щелчком, я бросаюсь к ней, поворачивая замок как можно громче. Нечего этой стерве здесь делать.
Я возвращаюсь в кровать, натягиваю одеяло и хватаю телефон.
Что за хрень тут вообще происходит?
Такое ощущение, что меня заперли в фильме, где все друг к другу подкатывают, но все не то, чем кажется.
Полный отстой.

* * *

Я собираюсь и уезжаю из дома отца, ни с кем не попрощавшись. Пишу ему коротенькую СМС, в которой благодарю, что он разрешил мне остаться на выходные. Я доезжаю до Фресно за рекордное время. Никогда еще не испытывал такого облегчения при въезде на парковку своего дома, как сейчас. Я беру сумку с вещами и спешу домой, где радуюсь, видя, как друзья занимаются обычными делами в гостиной. Дом, милый дом.
– Тони! Братан! Как все прошло?
Это Калев. Он сидит в игровом кресле с геймпадом в руке, взгляд прикован к экрану.
– Дерьмово, – радостно сообщаю я, бросая сумку на пол. Я падаю на диван, открываю коробки от пиццы – вдруг осталась пара кусочков. Нет, с пиццей не везет.
– Как там твой старик? – спрашивает Диего. Я удивлен его здесь видеть – он все время проводит с Джоселин.
– До черта любит всеми командовать. А ты что здесь делаешь?
– К Джоселин пришли подружки. Пришлось ретироваться, – объясняет он. – Я даже успел погрустить, что ты уехал на выходные.
Я кладу руку на сердце:
– О, ты скучал по мне?
Он тянется к бумажной тарелке, хватая корку от пиццы, грозит швырнуть ее в меня и смеется:
– Нет уж!
– А мачеха как? – не унимается Калев. Когда я рассказал им, куда еду, он нашел ее в соцсетях и признался, что «он бы вдул».
Но он так говорит про любую девушку с милым лицом и хорошими сиськами, так что ничего удивительного.

– Мне показалось, что она ко мне клеится, – делюсь я. Наверное, я бы в любом случае так сказал, чтобы посмотреть на его реакцию, но теперь это правда.

Калеб разворачивается на кресле, забив на игру, и смотрит на меня. Его герой тем временем погибает смертью храбрых.

– Да ладно, ты что, серьезно?

Я киваю, проигнорировав урчащий желудок.

– Она утром заявила ко мне в комнату в одной сексуальной ночнушке.

Про халат я не стал упоминать, чтобы не отвлекаться от сути.

– Да быть не может, – ахает друг, раскрыв от удивления глаза. Для него это предел мечтаний. – И ты воспользовался предложением?

– Нет, конечно, – я качаю головой, – я ей не доверяю.

– Для того, чтобы потрахаться, доверять не обязательно, – торжественно заявляет Калеб. Он просто кладезь добрых советов. – Переспал бы с ней без лишних вопросов.

– Калеб, она жена моего отца. Это будет очень неловкая ситуация.

– Да ты все равно с ним никогда не видишься, чего тут такого? – Он пожимает плечами.

Я хватаю пустую банку из-под пива и швыряю в него. Он в последнюю секунду отбивает ее рукой и смеется.

– Нет уж, спасибо. Проблемы мне не нужны.

– Так она хотя бы секси? – интересуется Диего.

– Она привлекательная, – говорю я равнодушно. Хелена – красивая женщина. Держится с достоинством. Она будто родилась, чтобы стать женой богача. Уверен, что это не первая ее интрижка на стороне. И уверен, что отец тоже ей изменял. Именно так он поступил с моей мамой.

Мама с этим мириться не стала. Она каждый раз выводила его на чистую воду, и через некоторое время он вообще перестал скрываться, словно хотел, чтобы его поймали с поличным. Чтобы с их браком уже было покончено. Но они держались друг за друга дольше, чем можно было ожидать. Вероятно, из-за денег. Отец ничего не хотел ей оставлять.

– Какую возможность упустил. Я бы сразу ее трахнул. По крайней мере, позволил бы ей сделать мне минет, – ухмыляется Калеб.

– Ты идиот.

– Ну и че? Иногда это нужно только чтобы выложить сториз с хештегом «нио чемне жалею».

– А я и так не жалею, – говорю я.

– Врешь.

– О чем это ты?

– О Софи, например.

– О ней я точно не жалею, – тут же выпаливаю я. Она – последний человек, о котором я хочу говорить.

– Ты жалеешь, что позволил ей уйти, даже не поборовшись. И не отрицай. Ты сказал мне об этом, как только она уехала, – напоминает друг.

На лице Диего появляется сочувствие. Этот парень полон сожалений, но он не упустил свой шанс и поборолся за ту, кого любит. И в конце концов вышел победителем.

Когда мы расстались с Софи, я думал, что жалею, отпустив ее. Но она не оставила мне выбора. Не дала шанса побороться за нее. Она уже приняла решение.

– Трудно удержать того, кто этого не хочет.

Я думаю об отце. И о маме. Я бы мог впасть в ужасную депрессию из-за того, что никому по-настоящему не нужен. Никто не заботится обо мне настолько, чтобы всегда быть рядом. Но вместо этого я думаю о Хайден. Как рад, что сбежал с ней из того ужасного клуба и поехал к церкви. Вид был потрясающий. А та, что привела меня туда, – просто великолепна.

Я подумываю, рассказать ли о ней Калебу, но в итоге молчу. Остаток вечера мы болтаем о всякой ерунде и играем в Call of Duty¹⁹. В конце концов, Диего возвращается к девчонкам, а Калев болтает по телефону. Я остаюсь в одиночестве.

Нет смысла рассказывать им о Хайден. Калев захочет грязных подробностей, и, если он узнает, что она учится у нас, тут же отправится на ее поиски. Не чтобы отбить ее у меня, а просто из любопытства. Он такой. Как задиристый щенок – не понимает, когда нужно остановиться.

Лучше мне держать мысли о ней при себе. Пока что Хайден – мой секрет.

¹⁹ Call of Duty – серия видеоигр в жанре шутер.

Глава 8

Хайден

Я В БИБЛИОТЕКЕ В КАМПУСЕ. Это единственное место, где я могу заниматься без посторонних. В конце первого курса мы с Грейси и еще двумя девушками начали снимать двушку. Потом мы какое-то время жили в той же квартире, но с двумя другими девушками. Я могла бы попросить папу оплатить квартиру, чтобы жить одной, но тогда бы не прочувствовала студенческой жизни.

Кроме того, мне нравится жить с Грейси. С ней весело. Иногда, правда, слишком. Как, например, сегодня. Мне нужны тишина и покой, а она хочет обсудить своего нового парня. Она, как обычно, опишет размер его члена и перескажет их грязные разговорчики. Ну или посетует на их отсутствие. Уверена, что от этого нового парня она без ума.

Грейси нравится сама идея влюбленности. Мое мнение прямо противоположное. Я считаю, что романтическая любовь – ерунда, в которую нас заставляют верить с рождения. Грейси уважает мои чувства. Я уважаю ее. Так мы остаемся идеальными подругами и соседками по комнате.

Я всегда готова дать ей совет относительно парней, но сегодня мне правда нужно сосредоточиться на сочинении по американской классической литературе. Его нужно сдать через два дня, а на данный момент я придумала только два предложения.

Убейте меня.

Я забила в угол библиотеки, где обычно никого нет, сижу за маленьким столом и понимаю, что кто-то наблюдает за мной. Я поднимаю голову и оглядываюсь, но никого не вижу.

Наверное, воображение разыгралось.

Я не могу перестать думать о Тони Сорренто и о том, что произошло между нами в субботу вечером. До сих пор не понимаю, почему так осмелела, и даже жалею об этом. Вот так запросто предложить то, что я предложила, хотя мы толком не знакомы! О чем я вообще думала?

Но интуиция сработала – он отказался от предложения. Он хороший парень, хоть мой отец и думает иначе. А теперь Тони Сорренто считает меня ненормальной. Или динамщицей. Зачем ему общаться и дружить со мной, когда я сказала, что секса между нами не случится?

Не думаю, что его интересует только секс, но такому привлекательному парню, как он, наверняка не нужны подруги. Уверена, что женщины бросаются к его ногам. Я сделала примерно то же самое, но в шутку.

Вроде бы.

Он мог бы уломать меня, мог бы попытаться, а я бы растаяла от его слов. Поддалась бы на его поцелуй. Люблю уверенных в себе мужчин с серьезными намерениями. А еще люблю уверенных в себе мужчин, которые уважают женщин. Тони точно относится ко второй категории.

Это еще раз доказывает, что он из хороших парней.

Вероятнее всего, мое заявление разрушило мои шансы на дружбу с ним. Уже среда, а я ничего от него не слышала с того момента, как вышла из такси у папиного дома. В машине мы обнялись, и я быстро отстранилась, побоявшись, что прижалась к нему слишком сильно, а затем вылезла наружу и побежала домой, ни разу не обернувшись. Я изо всех сил старалась делать вид, что мне все равно.

А на самом деле? Мне не все равно. Он до сих пор у меня из головы не выходит. Я современная женщина и могла бы сама ему написать. Но не хочу. Зачем? Мне все ясно.

Он не хочет видиться со мной снова и уже забыл о моем существовании.

Вздыхнув, переключаюсь на сочинение. Я пишу какую-то бессмыслицу, но лучше уж так, чем вообще пустой лист. Понятия не имею, что хочу выразить, и просто пишу, что в голову взбредет. Я придерживалась этой стратегии на протяжении всей учебы, и пока она работает.

Хоть что-то.

Я вставляю в уши AirPods, включаю плейлист для учебы, чтобы глубже сконцентрироваться, и возвращаюсь к работе, игнорируя всплывающие уведомления. Все до единого – от Грейси. Я обожаю ее, но иногда она просто заноза в заднице.

Я почти дописываю черновик сочинения, и тут мне приходит сообщение с незнакомого номера. Любопытство перевешивает, и я открываю сообщение:

– Я тебя вижу.

Я поднимаю глаза и осматриваю помещение, но здесь никого нет.

Еще уведомление:

– Ты меня не видишь?

Мне становится тревожно от осознания, что я совершенно одна в этом укромном уголке библиотеки. Я сижу возле стены с окнами, за которыми по кампусу гуляют люди. Толпятся на тротуарах, сидят за столиками для пикников или болтают на площади. А я здесь, наверху, совсем одна с этим жутким анонимом. Я представляю, как он набрасывается на меня, а я бегу к окнам и стучу в них кулаками, чтобы кто-нибудь обратил на меня внимание, но никто не обращает...

Я вытряхиваю эти мысли из головы. У меня слишком живое воображение.

Схватив телефон, отправляю незнакомцу ответ:

– Ты вообще кто?

Выжидаю пару минут, но ответа нет. Даже обидно. Я не раздаю свой номер кому попало. Только иногда, когда встречаю симпатичных парней. Но обычно они не заставляют меня чувствовать себя так жутко.

Бросив сочинение, закрываю ноутбук и запикиваю вещи в рюкзак. Телефон вибрирует, но я не обращаю внимания – так сильно хочу выбраться к людям и не оставаться здесь в одиночестве.

Закидываю рюкзак на плечо, поднимаюсь и иду к выходу, крепко сжимая лямку. Телефон снова вибрирует, но я не буду отвечать, пока не окажусь среди людей.

По необъяснимой причине я не чувствую себя в безопасности.

– Ты чего игнорируешь меня? – слышу голос позади себя и вскрикиваю.

Посреди библиотеки. В помещении воцаряется мертвая тишина, и те немногие люди, которых теперь вижу, поворачиваются и смотрят на меня.

Оборачиваюсь, готовая задать незнакомцу жару. И кого я вижу – Тони Сорренто. Он стоит за мной с ухмылкой на идеальном лице, явно довольный собой.

– Попалась, – мягко говорит он.

– Боже, ты просто кошмарен! – Я налетаю на него, бью по груди, а он хватается меня за запястья. Чувствую тепло его кожи под мягкой голубой футболкой. Его грудь оказалась упругой и мускулистой. И я ощущаю, как бьется его сердце.

Оно начинает биться быстрее. Я достаточно высокого о себе мнения, чтобы поверить, что это из-за моей близости.

– Я напугал тебя? – мягко спрашивает он, потирая большим пальцем внутреннюю сторону моего запястья.

Я чуть не задрожала, но сдерживаюсь:

– Да, напугал, – признаюсь я, затаив дыхание.

– Я не виноват, что ты не добавила мой номер в список контактов.

Он медленно ослабляет хватку. Я не сразу осознаю это. Убираю руку с его груди. Чувствую себя глупо.

Субботний Мистер Безопасность и Уважение куда-то исчез, и его сменил темноглазый дьявол, который намеренно пытается вывести меня из себя.

– Из головы вылетело. – Я притворяюсь, что мне безразлично, стараюсь показать, будто я о нем вообще забыла, хотя это совершенная ложь. Я много думала о нем.

Даже слишком много.

– Не хотел тебя напугать.

– Охотно верю. – Я отворачиваюсь, приподнимаю подбородок и отхожу на пару шагов. Конечно, он идет за мной.

– Что ты делаешь в библиотеке? Кроме того, что пугаешь меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.